

Андрей Макаревич

Занимательная НАРКОЛОГИЯ

комментарии
Марка Гарбера

Annotation

Алкоголь... Курение... Наркотики... Что заставляет человека искать все новые способы расслабления? О своем опыте, хотя он, по словам автора, «небогат и крайне субъективен», рассказывает легендарный музыкант Андрей Макаревич. Расширить угол зрения на эту проблему читателям помогут комментарии известного врача-нарколога Марка Гарбера.

- [Андрей Макаревич](#)
 - [Введение](#)
 - [О водке](#)
 - [Самогон](#)
 - [Портвейн](#)
 - [Первое лирическое отступление](#)
 - [Сухарь](#)
 - [Второе лирическое отступление](#)
 - [Поучительная история про Чикаго, Мика Джаггера и сухое вино](#)
 - [Немного о смешении](#)
 - [Культура флэта](#)
 - [Пельменная](#)
 - [О метафизике перебора](#)
 - [Третье лирическое отступление](#)
 - [О сопряжённой магии](#)
 - [Роман с никотином](#)
 - [Разное](#)
-

Андрей Макаревич

Занимательная наркология

Комментарии Марка Гарбера

Введение

В этой книге я не буду касаться массы принципиальных и не имеющих пока ответа вопросов. Что, например, заставляет человека, которому в жизни дано достаточное количество вполне конкретных удовольствий (не будем их перечислять, ладно?), втянуть свою лапку за пределы дозволенного. И, кстати, по поводу дозволенного -почему это страны и государства разрешили или даже монополизировали часть этих наслаждений и нещадно карают своих граждан за попытку приобщиться к другой, запрещённой, части, и чем это мягкая калифорнийская трава опасней какой-нибудь уренгойской водки низшей ценовой категории и почему человек проводит свою жизнь с дымящейся палочкой в зубах, и кашляет, и бьёт себя в чахлую грудь и кричит, страдая, что не может с этой палочкой расстаться, а сам, гад, просто не желает прерывать удовольствие, которое он от этой вонючки получает, — других радостей мало? Что, в конце концов, начиная с древнейших времён, вынуждает человека тем или иным способом пытаться расширить своё сознание — такое, что ли, узкое? Я просто хочу рассказать о своём опыте, который небогат и крайне субъективен, — но этим-то он и ценен, правда? А вы сравните его со своим, если таковой, конечно, имеется. Если нет — эта книга для вас совершенно бесполезна. Мои поздравления. Читайте журнал «Здоровье». А чтобы труд мой не выглядел исключительно литературным, я попросил известного нарколога, моего старого товарища и лечащего врача Марка Гарбера дать научные комментарии относительно описываемых продуктов и событий. Надеюсь, это расширит наш с вами угол зрения.

Предложение моего друга, пациента и коллеги по нередким алкогольным возлияниям, выступить в роли бесстрастного эксперта-нарколога, изначально поставило меня в тупик. Что-то в этом есть ханжеское — этакий врач-вредитель, спаивающий больного, с другой стороны — подвижническое желание автора в поисках истины ставить опыты на себе заслуживает, согласитесь, уважения. В результате неподдельный интерес к предмету, равно как и разбередившие душу рассказы и сентенции автора, не всегда, кстати, бесспорные, заставили-таки взяться за перо. Итак, оставьте дилетантские представления о том, что алкоголь — это бутылка на столе. Алкоголь — это химическое соединение, естественным образом присутствующее в организме человека как продукт метаболизма — то есть нормального обмена веществ, а вовсе не обязательно в результате употребления алкогольных напитков. Мало того, оказалось, что алкоголь, присутствующий в крови в свободной форме, — так называемый эндогенный этанол, весьма чутко реагирует как на изменения внешней среды, так и на внутреннее состояние организма, являясь тонким барометром психоэмоционального состояния. В середине 80-х годов в лаборатории психоэндокринологии Московского НИИ психиатрии были поставлены эксперименты по изучению изменения уровня эндогенноэтанола.

Выяснилось, что приём транквилизаторов вызывает повышение уровня алкоголя в организме вдвое. То же самое наблюдалось при глубокой медитации — таким образом, глубоко расслабленный человек как бы «слегка выпивает». Но самое удивительное, и здесь мы подходим к нашему предмету изучения, ритмические звуковые колебания, вводящие в транс — шаманский бубен, громкая ритмичная музыка, приводят к существенному повышению уровня эндогенного этанола. Предположительно, восприятие звуковых воздействий происходит через активацию одного из древнейших пигментов — меланина. Наивысшая концентрация меланина отмечается в коже и нервной ткани, происходящих из одного зародышевого материала. Меланин обладает фото-и фонореактивным эффектом, то есть способен трансформировать световую и звуковую энергию в химическую. Все вышеперечисленное важно для понимания восприятия внешнего воздействия алкоголя в разных обстоятельствах, что мы и будем обсуждать ниже. Самый низкий уровень эндогенного этанола отмечается при депрессиях и у хронических алкоголиков, то есть природа просит добавить недостающего компонента. А теперь представим себе музыканта, подвергающегося указанному ритмическому воздействию практически постоянно. Естественно, после прекращения воздействия уровень внутреннего алкоголя понижается и... сами понимаете, что следует за этим. Так что рок-музыкантов, особенно ударников (в прямом смысле), следует отнести к алкогольной группе риска. Впрочем, и

гитаристы, к которым относится автор, недалеко от них отстоят. Сам факт написания этой книги говорит за себя. Хочу упомянуть, что наряду с алкоголем в организме есть и свои собственные наркотики — эндорфины и энкефалины, выполняющие функции гормонов удовольствия. Следуя тем же закономерностям, что и эндогенный этанол, они так же могут стимулировать внешнее пополнение. Примеров тому много, но это уже другая история и к предмету нашего исследования отношения не имеет.

Марк Гарбер

О водке

Водка, без сомнения, самый главный напиток среди напитков. По моему разумению, во всяком случае. Знаете почему? Потому что она абсолютно рациональна. Водка направлена на решение одной-единственной вашей задачи — сделаться пьяным (в какой степени — уже ваше дело). Все остальные напитки, созданные человечеством, стыдливо прикрываются фиговым листочком вкусовых достоинств. Водка сама по себе — невкусная (давайте не будем врать себе). Вкусная водка — это водка наименее противная. И по-настоящему она вкусна только в сочетании с правильной закуской. Однажды в Америке хозяева, видимо, хотели продемонстрировать нам на приёме духовную близость и пили с этой целью водку, навалив в неё льду, отхлёбывая маленькими глоточками и похваливая. Мне стало дурно от одного этого зрелища, хотя, согласитесь, выдержка их заслуживала всяческих похвал. Жизнь российского человека вне водки немыслима. Это глубинная связь, замешанная и на физиологии, и на мистике. Можете себе представить зимнее сибирское застолье с пельменями и бутылочкой «Шардоннэ»? Древнюю, доводочную Русь я себе рисую крайне смутно. Что, например, заменяло боевые сто грамм? Медовуха, что ли? Прекратите. Мы просто многого не знаем. И всё же наше поколение вышло на водку не сразу. Юные хипповые годы прошли под флагом порт-вейна, и это отдельная история. Попробовать водку впервые довелось в седьмом классе (нынешние-то молодые небось поразвитее будут). Я пришёл к своему однокласснику Мишке Яшину, а у родителей его собрались какие-то гости, и нас усадили за стол. Папа Мишки был поэт, и компания его, видимо,

отличалась свободой взглядов. Во всяком случае, нам предложили водки. Мне было тринадцать лет, и в этом возрасте я больше всего боялся показаться неловким, поэтому сделал вид, что всё нормально — водки так водки. Помню, что было очень невкусно и потом немножко туманно. В общем, повторить эксперимент желания не возникало. Удивительное дело! Несколько раз в жизни приходилось по разным причинам прекращать выпивать — на время. Если срок превышал недели две, то первая выпитая рюмка водки вызывала в точности те же детские ощущения. Правда, проходили они быстро. В общем, водка не пошла. Да и примеров у меня перед глазами не было — дома практически не пили, мать — вообще, а отец — по советским праздникам с гостями и очень немного — для веселья. Бабушка, помню, в сухое вино сыпала сахар и размешивала — любила сладенькое. Так что алкогольного воспитания в семье я не получил. В девятом классе папин товарищ по работе взял меня на зимнюю рыбалку. Я грезил рыбалкой, а ездить было не с кем — отец мой совсем был к этому делу равнодушен, хотя рвение моё уважал. Мы встретились ночью на Савёловском вокзале — поезд шёл на Углич. Оказалось, что компания довольно большая. Мужики в зипунах с ящиками неповоротливые, как космонавты, с грохотом загрузились в тёмный плацкартный вагон и скинулись по рублю — проводнику. Билетов никто не брал. Поезд тронулся, мужики стали кучковаться по трое, у меня спросили: «Будешь?» Я даже не понял, что они имеют в виду, но не мог же я сказать «нет» — я же был настоящий рыбак! Пришлось выдать ещё рубль, и стало ясно, что сейчас будем пить водку — на троих. Я сильно заробел — на троих это вам не рюмочка в гостях за столом, но скорее откусил бы себе язык, чем признался этим огромным дядькам, что я, скажем, не готов или мне не очень хочется. Достали водку, стаканы,

домашние бутерброды, плавленный сырок «Дружба», порубили колбасу прямо на ящике. Мне протянули стакан — почти полный! Омертвев от ужаса, я выпил его, не отрываясь, и понял, что жую сырок пополам с фольгой. Этап употребления прошёл, слава Богу, достойно, но я со страхом ждал последствий — должно было развезти. Дальше получилось смешное — развезло всех, кроме меня. Заплетающимися языками, не очень слушая друг друга, они шумно травили в пространство обычную рыбацкую небывальщину, а я тихо сидел, смотрел на них и удивлялся — что сделалось за пятнадцать минут с этими крепкими мужиками, — что касается меня, то мне стало очень тепло, но с головой ничего не случилось — видимо, от страха. Сила духа победила. Я не очень помню ощущения перехода с портвейна на водку, хотя предполагаю, когда это произошло — году в семьдесят девятом, когда мы вдруг попали из московского подполья в гастрольную жизнь — поезда, гостиницы, дворцы спорта, огромное количество новых знакомых и друзей — артистов. В этой среде господствовали водка и коньяк, и мы радостно с головой ушли в новые ощущения. Хотя помню — гораздо раньше, семьдесят третий, третий курс Архитектурного, ноябрьская слякоть, пять остановок на метро — Парк культуры, Кропоткинская, Библиотека имени Ленина, Проспект Маркса, Дзержинская, в вагоне битком, спишь стоя, держась рукой за поручень, «Осторожно, двери закрываются», насквозь бегом через Детский мир вверх по улице Жданова, звонок уже прозвенел, в вестибюле пусто, слава Богу, первая пара — история искусств, это на втором этаже, в тёмном зале со слайдами, твоего опоздания не заметили, на кафедре — профессор Косточкин, он говорит — «римлянинин» и «пиршествО», мучительно хочется спать, некуда положить голову и всё-таки спишь, и римлянинин на пиршестве назойливо

ломится в твой сон, перемена, сигарета «Прима» в туалете, она сырая и противная, и всё вокруг серое, сырое и противное, и проснуться до конца нет никакой возможности, и тут рядом оказывается Борька Соловьёв, он большой и добрый, и говорит тихим басом: «Может, под полпервого?» — и в жизни сразу появляется небольшая, но совершенно ясная цель, и мы выбегаем из института в осеннюю мерзость, но это уже ничего, бежать недалеко — метров сто вниз по Жданова, а там на углу — кафе «Сардинка», а почти напротив — винный, и Борька уже взял чекушку, и мы спускаемся в «Сардинку» — она в полуподвале, и там ровно столько народу, сколько надо, — не много и не мало, за столиками сидят, а очереди — никакой, и мы берём по полпорции первого — солянки мясной, она в мисочке из нержавейки, горячая, ярко-оранжевого цвета и в ней плавает долька лимона, и два стакана (знаете, сколько граней на гранёном стакане? Двадцать шесть!) и садимся за пластиковый столик, и разливаем чекушку пополам, и это ровно столько, сколько надо, и восхитительно выпиваем, и заедаем невероятно вкусной солянкой, и мир обретает гармонию. Дома у меня хранится бутылка водки «Русская» образца начала восьмидесятых. Она большая, зелёная, кривоватая, с алюминиевой нашлёпкой-бескозыркой, и этикетка на неё наклеена кривовато, и этикетка очень некрасивая. Подозреваю, что и водка внутри ужасная. Яникогда этого не узнаю — я не буду её открывать. Это для меня послание из той жизни, в которой мы были молоды и совершенно по-другому веселы. Потому и пить могли что угодно. Эту бутылку мне подарил ведущий программы «Пока все дома» Тимур Кизяков, а он нашел её у какой-то бабки в глухой деревне — видимо, брали в запас, да дед помер. Вообще это страшная редкость — потому что на том отрезке жизни страна выпивала всё, что удавалось купить, причём немедленно. Когда в

восемьдесят первом году я увидел в доме молодого артиста Театра на Таганке Лёни Ярмольника бар, я чуть не сошёл с ума — в доме стоят невыпитые напитки! Тут же я попытался завести свой бар, и долгое время ничего не получалось — к утру с помощью друзей содержимое бара всегда заканчивалось, это и служило сигналом к прощанию. Но это так, к слову. Самые чудовищные водки страна производила именно в восьмидесятые, и если в Москве это было ещё не очень заметно, то, скажем, в городе Горьком при всём желании пить это было нельзя — наш барабанщик Валерка Ефремов, химик по образованию, на вкус определял процент бензола, и доза его приближалась к смертельной. Существовали способы домашней очистки — с помощью активированного угля и марганцовки. И то и другое бралось в аптеках и быстро исчезало из продажи. Через уголь водку надо было процедить, а марганцовку просто засыпать в бутылку и поставить в тёмное место. Водка против ожидания не розовела, зато на дно оседали жуткие бурые лохмотья. Не знаю, что там из неё вычленялось, я не химик, но смотреть на эти лохмотья и представлять их внутри себя было страшно. В годы горбачевской антиалкогольной истерии качество водки дошло до пика — видимо, она редко бывала настоящей. Что же мы тогда только не пили! Ядаже занимался самогонованием, и не без успеха, но это тоже отдельная тема. Вот удивительно, водка — это всего лишь пищевой спирт и чистая питьевая вода, и чтобы водка стала невыносимой, надо либо одно, либо оба этих условия не выполнить. Так, видимо, долгие годы и поступали, и хорошие водки появились уже недавно — лет десять назад, причём сразу в большом количестве и в самых неожиданных местах. Помню, приехали мы в Якутск, и вдруг на стол выставили десятка полтора разных местных водок — и «Кедровая», и «Таёжная», и «Охотничья», и какая-то

ещё, и одна лучше другой. Или в Ростове, где хозяин, светясь от гордости, провёл нас по небольшому своему заводу такой чистоты, что казалось — мы в операционной, и показал, как он фильтрует свою водку не один раз, а семь — через специальные травы и тот же активированный уголь, а потом наутро мы тщетно ловили в своих головах отголоски похмелья — а его не было. И ещё масса таких радостных встреч и открытий. Воистину природа берёт своё. Получение истинного удовольствия от водки совсем не обязательно связано с картиной заснеженного леса, ощущением мороза, хрустящего репчатого лука, подмёрзшего сала и чёрного хлеба, хотя эта примитивная картина близка к совершенству. Во-первых, возьмите хорошую водку. Проверенно хорошую, это совсем не обязательно самая дорогая. Открою производственную тайну — страшилки семи-десятих-восемидесятых по поводу того, что водку делают из опилок и отходов нефтяной промышленности — всё-таки чушь. Спирт для водок бывает трёх видов — зерновой, или так называемый «Люкс», картофельный для водок попроще, и мелассовый — из отжимок сахарной свёклы, совсем простой. «Люкс», конечно, лучше, но знаю я совсем неплохие водки из картофельного спирта, а они — совсем в невысоких ценовых категориях. Так вот, не надо какого-нибудь «Кауфмана» за полторы тысячи — это для идиотов, не знающих, куда девать свои деньги. Я давно заметил, что, если, скажем, в ресторане поставить среди прочих два столика, где всё то же самое будет в три раза дороже, и честно об этом объявить, — там будут сидеть люди. Ярмарка тщеславия неистребима. Так вот, возьмём хорошую водку и поставим её в холодильник. Ни в коем случае не в морозильник! Охлаждённая до минус пятнадцати, загустевшая, как масло, водка никакого отношения к водке уже не имеет, и, кроме ожога гортани, никакой радости вы от неё не получите,

как молодецки не крякай. Водка должна быть именно охлаждена — до лёгкого запотевания бутылки. Далее — компания. Лучше, если она не очень большая и состоит из дорогих и близких вам людей мужского пола, понимающих толк в водке. Один, пусть даже очень хороший человек, пьющий вино или коньяк испортит вам весь праздник. Повод — совсем не обязателен. Напротив, он, на мой взгляд, сильно вредит. Он придает вашему празднику какую-то дополнительную, навязанную извне ценность. На фиг нужно! Ваша встреча — это уже праздник. И поверьте — если вы не договаривались о ней за три дня, а вдруг решили выпить полчаса назад — праздник будет не в пример ярче. Счастье — внезапно. Теперь — закуска. Рекомендую несколько радикальных вариантов. Правильное сало. Если вы достанете его из морозилки, порежете тоненько острым ножом — при верной выбранной толщине ломтики будут слегка заворачиваться (гениально сказала Людмила Сенчина — «сало должно быть мягкое, но твёрдое») и прямо на этой дощечке подадите к столу и ещё на неё положите несколько очищенных зубчиков чеснока. А рядом — хрен, горчица и бородинский хлеб — под это дело можно выпить очень хорошо и много. Хотя истинное счастье даёт первая и главным образом вторая рюмка. Здесь очень важно глубинное ощущение времени — я имею в виду интервал между ними. Он не измеряется секундомером и может варьироваться от полутора до четырёх минут в зависимости от коллективного состояния. Если вы в хорошей компании — это чувство не подведёт. Человек, который, выпив первую рюмку, заводит длинный рассказ или, не дай Бог, подняв вторую, затягивает многоступенчатый тост, — дилетант, он глух к происходящему, гоните его к чёртовой матери. После первой — тишина. Прислушайтесь к себе. Слышите, как открываются

потайные дверцы, как побежал ток по стылým проводам? Теперь посмотрите в глаза друзьям. Видите — с ними то же самое? И в момент открытия последней дверцы выпивается вторая. На отрезке жизни между второй и третьей наступает пик гармонии с миром, и если бы человечество нашло способ это состояние удержать — вопрос вечного счастья был бы решён. Увы, после второй всегда следует третья, и это просто хорошо, но уже не божественно, и пошла задушевная беседа, и с дальнейшим употреблением степень задушевности ее растёт, а высота полета, увы, падает, и я начинаю половинить. Конечно, если вы гедонист, то предложенный способ выпивания под сало слишком для вас концептуален, и существует масса способов разнообразить стол. Это несколько уведёт нас в сторону от чистоты ощущений, но добавит вкусовых радостей. В этом случае рекомендую солёные (только не маринованные!) огурцы — бочковые, хрустящие, средней величины, квашеную хрустящую же, не слишком кислую капусту (кислая — для щей, тоже, кстати, под водочку восхитительная вещь). Вообще, закусывать супчиком — отдельная ветвь культуры, солёные грибы — лучше всего белые грузди и рыжики с репчатым луком и сметаной (ну, не люблю всё маринованное!), селёдка, только не из консервной банки или нарезки в целлофане! Не поленитесь приобрести целую, а лучше две больших слабого посола селёдки, расстелите на столе газету (с ней потом легко убираются потроха вместе с запахом), снимите с селёдки шкурку (если селёдка хорошая — сходит как перчатка), отрежьте голову, выньте потроха, не вздумайте выбросить икру или молоки. Дальше мои вкусы и вкусы так называемого культурного человечества расходятся. Человечество рекомендует, разрезав селёдку вдоль, вынуть из неё косточки. Я же скажу — ни в коем случае. Вкус измученной чужими

пальцами селёдки меняется не в лучшую сторону, структура тканей разрушается. Представляете — жаркое лето, терраса, арбуз, а кто-то выковырял из него зёрнышки. А плевать? Так что просто порежьте рыбу поперёк на кусочки по 1,5 — 2 сантиметра, уложите в селёдочницу, припорошите репчатым красным луком, полейте пахучим деревенским подсолнечным маслом, дайте постоять. Поверьте — с косточками гость разберётся сам, это вопрос его интимных отношений с селёдкой, не надо им мешать. А картошечка уже сварилась, и тут её надо слить, поддержать с открытой крышкой на огне ещё полминуты, чтобы выпарились остатки воды, кинуть туда кусок сливочного масла и горсть мелко порезанного укропа, опять накрыть крышкой, нежно потрясти и уже тогда подать к столу. Дальше пойдёт само. Это мой способ получения счастья. В принципе водку можно пить под что угодно, кроме, пожалуй, варенья и мороженого. Однажды мы с БГ закусывали водку чистым кетчупом — больше просто ничего не нашлось, и это было великолепно. На мой взгляд, очень важна дозировка, то есть размер рюмки, и точность интервалов приёма. Мой глоток — 40 граммов, я в этом смысле среднестатистический человек. Такую рюмку я и выбираю. Знаю я мужиков с пастью более разработанной, говоря митьковским языком, для них существуют стаканчики по 75 и даже по 100 граммов. Яне сторонник единоразового приёма на троих, этот способ был вызван конкретными историческими военно-полевыми условиями, и эффект от него гораздо более грубый. Хотя мой товарищ Заборовский исповедовал следующий метод: налить стакан, выпить его залпом, тут же закусить горячим супом — скажем, борщом, и потом уже не добавлять. В общем, можно, конечно, гвозди и микроскопом забивать — это личное дело каждого. Но мне кажется, что это какой-то

индивидуалистический метод, в компании он неприменим, потому что все двери вышибает одновременно, ты замыкаешься на себе и всё равно не в силах уследить за красотой мира и тебе не с кем её разделить. В общем, это не моё. К тому же, если в этот момент вокруг тебя все пьют постепенно — малыми дозами, то через полчаса не выдержишь, присоединишься к ним, а тебя уже отбросило вперёд, ты пролетел самые красивые места, и впереди пустыня. Знаете, чем отличается пьющий человек от алкоголика? Пьющий знает, что, определённым образом выпив, он получит радость. И он её получает. Алкоголик помнит, что радость была. И выпивает в ожидании её. А её нет. И он выпивает ещё. Тщетно! И ещё, и ещё. Нету! Клиника, ледяные руки врачей, онанизм, сифилис, смерть. Понимаете, куда я клоню?

* * *

Странно, но факт, водка появилась не в России. Процесс перегонки с получением спирта впервые был открыт... арабами в VI-VII вв. нашей эры. Собственно, само слово «алкоголь» имеет арабские корни и означает «одурманивающий». А первую водку изготовил арабский врач Парес в 860 году. Использовалась она в медицинских целях. Перегонка вина осуждалась, потому что в Коране есть запрет на употребление алкоголя.

В Европе первая перегонка сахаросодержащей жидкости была сделана итальянским монахом-алхимиком Валентиусом. Слово «алхимия» означает по-арабски «из Кема». Кемом называли Египет. Современное слово «химия» имеет то же происхождение.

Попробовав продукт, полученный по новой технологии, Валентиус решил, что получил эликсир, «делающий старика — молодым, утомленного — бодрым, грустного — веселым». А на Руси в это время пили именно квас и медовуху. При этом ими можно было «догнаться». Перебродивший хлебный квас становился бражкой. Видимо, его вымораживали, то есть спиртосодержащие фракции оставались, а вода превращалась в лед. Представляете содержание сивушных масел в этом напитке?

В 1386 году генуэзское посольство привезло в Москву первую водку («Aqua Vitae» — «живая вода»). Она использовалась исключительно как лекарство. Вскоре, однако, народ понял, что к чему, и пьянство стало повальным. Царским указом было запрещено пить в непраздничные дни, позднее, в 1533 году, была введена государственная монополия на производство водки и продажу в «царевых кабаках».

В 1755 году Екатерина II разрешила дворянам, в зависимости от титула и заслуг, производить и продавать свою водку без пошлин. Вот вам и прообраз будущего «Фонда спорта» и других благотворительных беспошлинных торговцев алкоголем и табаком.

Русский химик Т.Е. Ловиц предложил в 1789 году очищать водку от сивушных масел древесным углём, а создатель периодической таблицы химических элементов Д. И. Менделеев в своей диссертации «О соединении спирта с водой» предложил пропорцию в 40% содержания спирта как оптимальную. На основе его рекомендаций правительство России в 1894

году запатентовало «Московскую особую водку» как русскую национальную водку.

Сегодня Польша, Финляндия и Россия борются за право называться родиной водки. Не та мать, что родила, а та, что воспитала.

Никто не рискнет изъять из русской застольной традиции водку как основополагающий и цементирующий продукт. И если видит человек на столе солёные огурчики, помидорчики, лучок, селёдочку с картошечкой, то рука помимо собственной воли начинает нащупывать где-то рядом непременно находящуюся рюмку с этим «невкусным» и таким любимым напитком.

Самогон

Первое воспоминание, связанное с этим словом, — мне, наверно, лет пять, и моя няня Нина берёт меня с собой в свою родную деревню — Шавторка, Рязанская область. Самогон — это то, что дают вместе с едой, правда, только мужчинам. Мутное в стакане, нехорошо пахнет. Несмотря на принадлежность к мужчинам — отказался. Гнали его из бурака — белой кормовой свёклы. Кстати говоря, распространённое весьма мнение, что, мол, раньше в деревнях меньше пили — коммунистическая агитка и чушь собачья. Пили в деревнях всегда по-чёрному — и при совке, и при царе Горохе, и сейчас пьют. И ничего тут не поделаешь. Попробовать самогон впервые довелось уже на первом курсе института, когда нас с другом Борькой Соловьёвым занесло, уже хороших, на какую-то свадьбу — дело было в подмосковных Вербилках. Не помню, как самогон пился, помню только, что впервые испытал с некоторым удивлением эффект явного двоения в глазах. Причём наслаждался этим эффектом лёжа на дороге с железным люком под головой и наблюдая за звёздами, и Борька Соловьёв долго и безуспешно пытался меня поднять. Утра не помню — видимо, ничего хорошего не было. В середине семидесятых самогоноварение в нашей довольно, как я понимаю, продвинутой среде стало модным. Толчком к этому послужила следующая история. Мне позвонили и пригласили в члены жюри (!) на диспут, посвященный молодым поэтам. Не знаю почему я поехал. Дело происходило в каком-то клубе какого-то института где-то у чёрта на рогах. Народу собралось немного, а поэты оказались замечательные — человек шесть юношей и девушек. Я запомнил двоих — Сергея Гандлевского и

Бахыта Кенжеева. Вёл мероприятие отвратительно активный комсомолец. Ребята почитали стихи, не очень вписывавшиеся в советские нормы тех лет, а потом должно было последовать обсуждение. В общем, всё это сильно напоминало гэбэшную провокацию. Студенты вставали по очереди и несли какую-то ахинею, поэты молча утирались. Когда до меня дошла очередь, я сказал, что никто, видимо, не спросил у авторов, насколько им интересно это слушать, так что, может, лучше сказать им спасибо за стихи и отпустить? Удивительно, но на этом всё и закончилось. Мы познакомились на выходе, и в процессе совместного распития портвейнов в течение последующих двух часов на какой-то детской площадке сильно сблизились. Потом мы ехали с Гандлевским в пустом вагоне последнего поезда метро. Гандлевский уже тогда был бородат и печален. С печалью он и поведал мне, что чем бы он ни пытался заняться вне дома — его всегда в результате забирали в милицию. Рассказывая это, он старался отвинтить от стены табличку с надписью «стоп-кран» — мне в подарок, так как я имел неосторожность сообщить ему, что я всякие такие таблички собираю. Через секунду двери с шипением раскрылись, в вагон вошли два милиционера и деловито забрали поэта — я даже пикнуть не успел. Помню его усталый обречённый взгляд в раме окна вагона.

Через несколько дней Бахыт Кенжеев позвал меня в гости на большое поэтическое сборище. Я взял с собой Маргулиса, и мы долго думали, покупать бутылку или нет — всё-таки поэты. Я настоял на том, что интеллигентней будет не покупать, и оказался идиотом, потому что первое, что спросил Бахыт, открыв нам дверь: «Принесли что-нибудь?» Из гостиной доносился гвалт, видимо, у них только что всё кончилось. Жил Бахыт в каких-то диких новостройках, магазином рядом и не пахло. Видя наше отчаянье, он быстро провёл нас

на кухню, даже не дав снять пальто, и плотно прикрыл дверь. На столе появился штатив из школьного кабинета химии, спиртовка, большая стеклянная колба и стеклянный же змеевик — витая трубка внутри прозрачного цилиндра, очень красивая вещь. Далее из кухонного шкафа поэт достал две бутылки с тёмно-бурой жидкостью и надписью «Морилка» на синей этикетке. Оказалось, что Бахыт немного химик и спасается от статьи за тунеядство, работая лаборантом на химфаке МГУ. Он быстро и профессионально слил морилку в колбу, присоединил змеевик и зажёл спиртовку. Процесс первой возгонки занял несколько минут. После этого оставшаяся бурда из колбы полетела в раковину, а на её место была перелита получившаяся уже совершенно прозрачная жидкость, в которую Бахыт кинул несколько можжевельных шишечек, вынутых из потайного мешочка, и возгонка повторилась. На выходе уже ждала пустая бутылка из-под джина «Gordons». Бахыт отлично знал пропорции — бутылка получилась полной. После чего нас отвели в гостиную, представили гостям как великих рок-музыкантов андеграунда, которые принесли с собой флакон настоящего английского джина. Поэты восторженно заахали, джин тут же разлили по стаканам. Пробовал я его, признаться, с некоторым трепетом. Говорят, что тот, кто побывал на советской колбасной фабрике и видел все тайны производства своими глазами, никогда потом колбасу не ест. Но поэты вокруг нахваливали напиток, я глотнул и понял, что, наверно, никогда бы не заметил подвоха, если бы не был в курсе. Процесс моментального получения продукта в домашних условиях потряс. Слово «продукт» здесь не очень точное. Всё жидкое делилось на три категории:

— «Монополька» — всё, официально произведённое страной для реализации.

— «Хищёнка» — вынесенное тайком с работы либо с места производства.

— «Изделие» — как любовно и уважительно звучит!

Так что в данном случае речь идёт об изделии. Что касается хищёнки (и, кстати, колбасного производства) — бытовал, в частности, термин «жидкая колбаса». По технологии в элитные сорта твёрдокопчёных колбас должен был добавляться коньяк. Да кто ж его туда выльет? Коньяк сливался в целлофановую кишку для упаковки колбасы, предварительно завязанную с одной стороны. После чего она завязывалась с другой стороны, аккуратно обматывалась вокруг торса под одеждой и проносилась на волю мимо бдительного вахтёра. Так вот, я стал интересоваться технологиями. К тому же морилка в виде исходного материала всё-таки пугала — от самого слова веяло смертью. Старший брат Юрки Борзова, Иван, гнал самогон из томатной пасты. На этом пищевом продукте я и остановился. Брался двадцатилитровый эмалированный бак, туда отправлялась томатная паста (стоила — копейки) и сахар (пропорций, ей-Богу, не помню). Всё это дело доливалось водой и несколько дней бродило, пуская по квартире лёгкий аромат бражки. После чего покупалась или бралась у родителей скороварка. Удивительное детище советской промышленности — герметически закрывающаяся кастрюля. Без оборонки явно не обошлось. На её паровой вентиль надевалась трубка, ведущая к змеевику. Резины следовало избегать, она оставляла неприятный запах. Очень хорошо шли всякие медицинские трубочки от капельниц. После чего оставалось подать в змеевик проточную воду из крана для охлаждения и поставить скороварку с перебродившим суслом на медленный огонь. Через несколько минут из змеевика начинала бежать тоненькая струйка — первач. Тут же он, как правило, и выпивался — во славу производства, благо скорость

поступления абсолютно соответствовала оптимальной скорости потребления. Напиток был вкусный уже сам по себе, приятно отдававший бражкой, а ведь его ещё можно было настаивать (если, конечно, хватало силы воли). Я очень любил на кофейных зёрнах. Рецепт был открыт случайно, в ходе экспериментов. Кофейный аромат как таковой изделию не передавался — возникал эффект, когда вроде чем-то очень знакомым пахнет, а чем — непонятно. Я много раз выигрывал споры — так никто и не отгадал на чём. К недостаткам процесса надо было отнести его утомительную протяжённость — приходилось следить за аппаратом, вовремя менять сусло в скороварке, прочищать клапан. Однажды я отвлёкся — работа происходила, естественно, ночью — упустил момент, и кастрюля рванула. Паровой клапан вылетел, как пуля, и раскалённая густая томатная дрянь с восхитительным свистом ушла в потолок, где и повисла причудливыми сталактитами. По счастью, я находился в соседней комнате и не получил ожогов. На этом закончил с самогонованием — впереди было ещё столько неизведанного.

* * *

Как я уже писал, виноделие — вещь древняя, а вот создание крепких алкогольных напитков — явление относительно молодое. Поэтому в древности на Руси пили бражку, а вот полноценный процесс перегонки стал известен лет 600 назад. Известно, что самогон можно делать из чего угодно, но так уж повелось, что в разных странах свой самогон! В Российской империи это был хлебный самогон — водка, которую унаследовали Польша, Финляндия, а

сегодня и новые прибалтийские члены ЕС. В самостийной Украине прижилась горилка — вариация на ту же тему.

Туманный Альбион, точнее, Шотландия и Ирландия, отличились в производстве солодового самогона — виски, распространившегося вместе с джином на все бывшие английские колонии. В Соединенных Штатах была кукуруза — и на свет появился бурбон, на Карибских островах тростниковый сахар сделал главным напитком ром, а мексиканская агава дала текилу. Так что все крепкие напитки когда-то были самогоном. Потом они стали стандартизироваться — то есть производитель гарантировал одинаковое качество независимо от того, какую бочку или бутылку распечатывал покупатель. Так великий Д.И. Менделеев нашёл оптимальную крепость для водки. Известные ныне марки виски, текилы, рома, джина также прошли вековую проверку качества.

Наша самогонка была, таким образом, оставлена истинным патриотам змеевиков, бросающих вызов монополиям государств и всемогущих брендов. Это то самое «Изделие», о котором говорит автор. В нашей стране безусловным руководителем кружка «умелые руки» можно назвать Егора Кузьмича Лигачева, подтолкнувшего М.С. Горбачева к принятию «сухого закона». Что до Егора Кузьмича — то у меня был личный опыт визита в город Томск, где он был первым секретарем Обкома КПСС за полгода до начала всесоюзной компании. Уже тогда Егор Кузьмич начал принудительную борьбу с зелёным змием. Чтобы купить водку, люди стояли всю ночь. В ресторане при

гостинице, где мы остановились, пустые столы были сдвинуты в угол, а музыканты в тапочках мялись на сцене, что-то репетируя. На естественный вопрос: «Открыт ли ресторан?» — официантка ответила, не вставая со стула: «А вы что, пельмени-то с фантой есть будете? Пельмени без водки только собака ест».

В городе была разлита злоба. Это чувствовалось везде. Было такое впечатление, что объявили траур. Когда в этот эксперимент втягивали всю страну, врачи очень просили не идти на безумный шаг, который ни к чему хорошему привести не мог.

Что касается жизни врачей-наркологов в период сухого закона-то «жаловаться» не приходилось. Что греха таить, «хищёнки», то есть спирта и водки, было достаточно. Для научных целей выписывались любые приборы, основным параметром которых было максимальное потребление спирта. Приборы эти так никогда и не запускались, но спирт, как расходный материал, под них получали исправно. Это была валюта, которая творила чудеса.

Ещё одним клиническим способом хищения были так называемые БАРСы — большие апоморфинорвотные сеансы — форма условно рефлексорной терапии, при которой больному предлагалось выпить стакан водки, а потом вводили рвотное средство — апоморфин. На курс полагалось 3 литра водки! Больным, в лучшем случае, давали понюхать ватку со спиртом, остальное шло в дело. Надо ли говорить, как персонал клиники был благодарен изобретателю метода.

Мой кабинет находился рядом с процедурной, которая использовалась для БАРСов. Медсестра долго гремела бутылками и стаканами, создавая атмосферу выпивки, а потом, когда больным становилось дурно, хорошо поставленным голосом кричала: «Водка — гадость, не могу больше её пить!» И вот, придя как-то на день рождения своего приятеля и подняв рюмку за его здоровье, я вдруг понял: не идет! В ушах стояло «Водка — гадость!» вместе со звоном чокающихся стаканов.

Утром я попросил перенести процедурную в конец коридора. Всё-таки Иван Петрович Павлов был великий учёный, и его теория условного рефлекса работает. Собаки с фистулой стали мне как-то ближе.

Портвейн

Прямо вижу, как все следующие за нами поколения дружно кривят морду — ну сколько можно про этот портвейн? Что они в нём нашли? Господа! Мы ничего в нём не искали! У нас просто не было выбора. Итак, портвейн, он же портешок, он же партийное вино, он же красненькое, он же чернила, он же бормотуха, в семидесятые годы прошлого тысячелетия к общечеловеческому напитку под названием «Портвейн» никакого отношения не имел. Думаю, речь идёт об элементарном совпадении названий. С таким же успехом он мог называться «Фернебранко» или «Амонтильядо». Никто, кстати, не утверждает, что это было вкусно. То есть, конечно, эстетические критерии у нас тогда были сильно занижены в связи с полным отсутствием материала для сравнения. Сравнить можно было с отечественным же вермутом (он же огнетушитель — из-за литровой бутылки), который точно так же не имел ничего общего с тем, что в мире носило название «Вермут», или уже с чем-то совсем маргинальным типа «Розовое крепкое» или «Плодово-ягодное» (в народе — «Плодово-выгодное»), и сравнение выходило не в их пользу. Вермут отчаянно вонял, а «розовое» вообще не ассоциировалось с чем-либо пригодным в пищу. Лет десять назад на телевидении отмечали специальной программой двадцатый день рождения фильма Георгия Данелии «Афоня». Поскольку это было первое кино, в котором каким-то боком засветилась «Машина времени», мы принимали в этом участие. Люди собрались всё больше хорошие, душевные, и очень скоро беседа соскочила с фильма, и пошли воспоминания — что и как двадцать лет назад пили. А нам какие-то наши фаны,

пробравшиеся на съёмку, принесли в подарок настоящую бутылку портвейна «33» начала семидесятых — это уже тогда был раритет аукционного масштаба (не верьте сегодняшнему новоделу — никакого представления о подлинном напитке он не даёт). Лёня Ярмольник (вот, кстати, что он там делал — и в «Афоне» не снимался, и в «Машине времени» не играл?) страшно оживился, забрал у меня бутылку и предложил в знак памяти о счастливых годах выпить это дело по старинке — из горла по кругу. Пузырь вскрыли по всем правилам — сперва разогрели зажигалкой пластмассовую пробку, потом скovyрнули её с помощью зуба — уж не помню чьего. Лёня первый припал к флакону, лицо его исказилось. «Какая гадость!» — изумлённо сказал он. Так вот, Лёня, это и тогда была гадость. А что было делать? Выбор тем не менее был совсем не случаен. Водка стоила дороже (о коньяке я вообще не заикаюсь) и требовала хотя бы элементарной закуски. То есть просто отхлёбывать её из горла, гуляя, или быстро выпить стакан, не почувствовав позыва к рвоте, — не получалось. Сухие вина типа «Эрети», «Алиготе» и «Гурджаани» были чуть-чуть дешевле, но содержали значительно меньше кайфонов, то есть градусов одиннадцать — двенадцать против шестнадцати — восемнадцати, и употребление их виделось пустой тратой денег. Оставались ещё отечественные ликёры — химически зелёный «Шартрез», жёлтые «Бенедиктин», «Абрикосовый». Пить их было невозможно по причине их чудовищной сладости. В семьдесят восьмом изобретательный Крис Кельми, игравший тогда в «Високосном лете», придумал напиток, состоявший на одну треть из ликёра и на две трети из появившегося только что в продаже полусухого «Арбатского» вина. Девушкам нравилось, Крису нравилось, что их валит с ног. Но сама необходимость смешения усложняла процесс и

требовала стационарной обстановки и дополнительной посуды. И так, оставался портвейн. Нет, возникали иногда, как кометы на небосводе, то «Солнцедар» (на самой заре юности), то «Рымникское», то вдруг венгерское вино «Токай» или даже «Мурфатлар» (причуды СЭВа), но всё равно в наших глазах это был портвейн, надевший на себя какую-то прозрачную личину. Интересно, кстати, что в эти времена народ, живший в деревнях, удалённых от городов более чем на 100 км, делил всё жидкое на три категории: «беленькое» — это водка, «красненькое» — это любое вино, независимо от цвета, и «венгерское» — «Токай». За что это «Токаю» была такая честь — ума не приложу. Портвейн был недорог — не выходил за ценовую категорию 2р. 20коп., хорошо забирал и не требовал никаких аксессуаров для его употребления — ни закуски, ни стакана. Впрочем, стакан не возбранялся. Стакан брался в автомате с газированной водой, они стояли по всей Москве, похожие на холодильник «ЗИЛ», только красные, с хромированными деталями, как я сейчас понимаю, в изумительной стилистике пятидесятых, три копейки — с сиропом, одна — без. Вот, кстати, кому мешало? Гранёные стаканы стояли прямо в пасти автомата, штуки две-три, там же находилась моечка — перевернул стакан, вставил, надавил — побрызгала водичка. Так вот, оттуда его и пёрли. Делали это не только мы, и к вечеру стаканы в автоматах кончались. Правда, во двориках сидели бабушки, у них всегда был напрокат стакан в обмен на пустую бутылку (15 копеек!). Я не настаивал на стакане — он был мутный, липкий, и я видел, как по нему ползают бактерии. К этому времени я прочитал в какой-то пиратской книге, что матрос пьёт ром из бутылки залпом, потому что верхняя губа его не касается горлышка. Попробовал — и получилось. Портвейн следовало заливать внутрь сплошной струёй, не

отвлекаясь на вкус. Он бил по голове тёплой подушкой, угол зрения ощутимо сужался (в буквальном, а не в переносном смысле), тянуло к каким-то добрым глупостям, но кто-нибудь тут же заводил спор на тему, кто лучше — Битлы или Роллинги, и вся энергия портвейна вылетала в этот спор, и внутри возникала не занятая ничем пустота — как будто из горшка вырвали растение вместе с землёй, и срочно надо было добавить, а вот добавляли уже не обязательно портвейном — чем удавалось. Портвейн, надо сказать, не терпел смешений. Он даже сам себя не терпел в количестве более полутора бутылок на рыло. В общем, рвало. Падающего поднимали, доводили до дома, ставили у двери, звонили и убегали. Лично я тяжело спал два-три часа на подоконнике лестничной клетки за мусоропроводом — после этого мог, не шатаясь, войти в квартиру и проскользнуть к себе в комнату мимо родителей. Подоконник был шириной сантиметров двадцать пять, и лежание на нём очень собирало. Описываемые мной действия имели отношение, разумеется, к чисто мужским компаниям. При чём тут герлы? Впрочем, думаю, что герлы занимали в голове десятое место только потому, что делать с ними было нечего. Точнее — негде. Вести домой, где тебя и так ожидает нагоняй от родителей, по меньшей мере безумно, а гулять по парку без продолжения — глупость какая-то. Правда, с возникновением на горизонте свободного ФЛЭТА герлы поднимались с десятого на третье место сразу после ДРИНКА. На первом были Битлы и Роллинги. И когда мы пили в мужской компании — мы пили с ними. А что такое портвейн, я вам сейчас расскажу. Портвейн — это когда конец апреля, и даже внутри школы невозможно пахнет весной, а за окном на голом ещё, но уже ожившем, дереве безобразно орут птицы, и солнце лупит прямо в глаза, и слушать химичку нет никаких сил, и ты сбегаешь, не выдержав

всего этого, из ненавистной казармы с Мазаем и Борзовым, и идёшь с ними по Кадашевской набережной, стараясь не наступать на лужи, потому что в них качается небо, и через каких-то сто метров — «Три ступеньки» — действительно, три ступеньки вниз, автоматы, автопоилка, и ты бросаешь в щёлку 20 копеек, и в гранёный стакан тебе наливается больше половины восхитительного портвейна медового цвета, и ты пьёшь его залпом, но не спеша, маленькими глотками, и он нежно и властно заполняет твоё нутро, оставляя во рту аромат диковинных фруктов, жжёного сахара и чего-то ещё совсем уже неуловимого, и всё это фантастически вписывается в общую картину весны. А потом можно дойти до угла, повернуть на Пятницкую, купить куль горячих пончиков, посыпанных сахарной пудрой, и через соседнюю дверь попасть в кинотеатр документального фильма и пойти, глотая горячие пончики, в тёмный кинозал, не важно, что там идёт, — «Иностранная кинохроника» или фильм «Япония в войнах». Портвейн будет творить с тобой чудо ещё часа полтора. Изжога начнётся потом.

* * *

Благородный напиток портвейн обязан своим названием городу Порту. В XVIII веке Францию лихорадило от войн и революций, и Португалия поставляла вина в Англию из долины реки Дуэро, получившей название «вино-порто», а впоследствии портвейн. При транспортировке вино портилось, и в него для сохранности стали добавлять винный спирт. Впоследствии технология усовершенствовалась, и марочные сорта портвейна приобрели фруктовый или плодовой тон благодаря

настаиванию сусла на мезге или нагреванию мезги до 60°C. Индивидуальный букет каждой марки портвейна достигается благодаря портвейнизации — нагреванию виноматериалов в бочках до 45-50°C. Далее вино выдерживается 12-18 месяцев.

Обычные портвейны производят ускоренно: 5 суток в тепле и 3 месяца выдержки. Содержание спирта в портвейне должно составлять 17-20%, сахара — 6-14%. Что входит в состав креплёных вин? Органические кислоты, пектины, ароматические вещества, витамины, микроэлементы, вода, соли, спирт, сахар и побочные продукты брожения — альдегиды, уксус и т.д. Содержание всех этих элементов снижает защитные свойства слизистой оболочки желудка, и креплёное вино производит раздражающий эффект, вызывая рвотный рефлекс. При совместном употреблении с водкой повышается проницаемость гематоэнцефалического барьера, и токсины попадают в мозг. Рвотный центр начинает очищать организм от примесей путем сокращения гладких мышц желудка. Вспомнили ощущение?

Не знаю, кто был изобретателем ускоренного цикла производства в СССР, но полагаю, что укладывались существенно быстрее, чем за 3 месяца, и продукт формально соответствовал ГОСТу. Так что всё-таки это был портвейн.

Первое лирическое отступление

Вы когда-нибудь видели, как мужики идут за вином? Нет, сейчас эта картина уже выглядит крайне размыто — исчез порыв, ушла битва. Достаточно протянуть руку с деньгами, и в неё вложат любую бутылку согласно вашим запросам и благосостоянию. Нет-нет, представьте себе какой-нибудь летний крымский городок — скажем, Гурзуф начала семидесятых. Утро, как правило, безлюдно — последние гуляки только-только расползлись из кустов, у пансионатов метут дорожки, пляжи ещё пусты, первые пожилые пары и мамы с малышами занимают лежаки. Солнце поднимается выше, отчего море делается синей, подул ветерок, открывается «Блинная» на набережной, тётка, звеня ключами, отмыкает цистерну с надписью «Пиво», и рядом с ней тут же вырастает очередь с трёхлитровыми банками, и вот — смотрите, мужики пошли за вином. О, эту походку, это выражение лиц не спутать ни с чем, и однажды увидев эту картину, запомнишь её навсегда. Читается она только со стороны — если ты сам в рядах идущих, ты не увидишь её красоты. Так пловец в открытом море не замечает течения. Идут по двое, по трое, собранно и энергично, хотя без суеты и с достоинством, и выражение лиц у них всегда вдохновенно-серьёзное. Идут ПО ДЕЛУ. Дело не пустяковое, так как магазин в городке один, в лучшем случае два, одиннадцать пробьёт через семь минут, а идти — пятнадцать, и ещё неизвестно, что там останется и что вообще завезли (впрочем, я несколько сгущаю краски — завозили обычно вволю). А ещё на их лицах — ответственность за тех, кто остался, не пошёл

в поход, но скинулся, и теперь только от идущих зависит — каким будет сегодняшний вечер и сколько радости он принесёт. В одиннадцать уже невероятно жарко, из четырёх стеклянных дверей в магазин открыта одна, туда поочерёдно впихиваются страждущие с деньгами в потных кулаках и выдавливаются совсем уже мокрые, в прилипших рубашках, но счастливые — с вином. Жара усугубляется тем, что по набережной бродит милиционер в полной боевой выкладке и удаляет за пределы своей видимости отдыхающих в шортах и майках («Граждане, вам тут не пляж! Это городская набережная!»). Внутри магазина — ад. Если на улице просто очень жарко, то внутри температура приближается к температуре внутри доменной печи — о кондиционерах жители страны советов ещё не слыхали. Плотное мокрое месиво, состоящее исключительно из мужчин средних лет, медленно ползёт вдоль прилавка. Сначала увидеть, что там дают, потом догрести, доплыть до кассы, обменять деньги на чек из толстой серой бумаги, сохранить силы для главного рывка к прилавку, обменять чек на тяжёлые некрасивые бутылки тёмного стекла, вырваться на волю, пробуравив напирющую снаружи толпу, ничего не разбить и не потерять сознания — это вам как? На такие дела посылали самых надёжных. Вообще, отношение к делу — не просто работе, упаси Бог! А к ДЕЛУ, возвышающему мужчин, отличает последних от женщин. Я однажды наблюдал в дикой Африке, как два местных жителя, пока их жёны в количестве девяти штук копались в рисовом болоте — каждая с младенцем за спиной, — эти двое занимались ДЕЛОМ. Они вели бизнес. У дороги они расстелили газету, на которой был представлен товар — спички поштучно и макароны поштучно (именно поштучно, а не попачечно). Торговля шла плохо. Точнее, она совсем не шла, и это спасало бизнес, так как спичек было

полкоробка и макарон — полпачки, и поставок не предвиделось. Но видели бы вы этих гордых негоциантов! Так вот, похожая облечённость миссией написана была на лицах Мужчин, Идущих за Вином. На этом сходство заканчивалось, так как, в отличие от застывшего во времени африканского процесса, процесс крымский развивался и давал результаты — вино удавалось взять (как правило). Если не удавалось — надо было ближе к вечеру пристроиться к компании, представителям которой это удалось. И если халява не переходила в систему, то пристроиться получалось всегда — портвейн, как я уже говорил, вселял в людские сердца доброту (до определённого предела, разумеется). Мало того, он уравнивал употребляющих, и в какой-то момент вы себя чувствовали счастливыми составляющими одной огромной компании, а может быть даже и страны. Возможно, в этом и заключалось скрытое воспитательное действие напитка, называемого в СССР «портвейн», и, может быть, именно поэтому он так настойчиво и предлагался населению одной пятой земного шара.

Впрочем, пили на юге не только портвейн. Пили, конечно, и сухое — от отчаянья, когда портвейн кончался, и даже всякие игристые — типа «Донского красного». Коньяк не пили из-за дороговизны, а водку, видимо, из-за невозможности её охлаждения — если в средней полосе водка комнатной температуры ещё идёт, то горячая в Крыму — уже с трудом. К тому же действие водки отличается от действия портвейна и поэтому менее подходит к состоянию южного отдыха. Русский человек, выпив лишнее количество водки, как правило, перестаёт любить человечество в лице отдельных его представителей, и гармония нарушается дракой. Удивительно — на евреев эта особенность не распространяется — они от водки любят человечество ещё сильнее. Этот феномен заслуживает детального

изучения. Также, конечно, в Крыму пилось пиво, но не как самодостаточный алкогольный напиток, а как средство, связывающее послевкусие вчерашнего праздника с сегодняшним грядущим. В этом качестве пиво выполняло задачу на сто процентов. И вообще, скажу я вам — все особенности и нюансы тогдашней жизни соответствовали особенностям и нюансам тогдашнего кайфа. Ушла навсегда (хотелось бы) та жизнь, нет больше магазинов с названием «Гастроном» или «Вина-воды» (в Сочи даже был «Специализированный магазин по продаже водки населению» — как название?), да и напитки сменили вкус, и бутылки выглядят куда нарядней, и давиться за ними уже не надо. И никакой я ностальгии не испытываю ни по совку, ни по собственной молодости — разве что посидеть ночью на прохладной гальке гурзуфского пляжа под еле слышный плеск прибоя и треньканье расстроенной гитары в компании малознакомых ребят и девушек, красота которых только угадывается в темноте, передавая по кругу тёплую от их рук бутылку портвейна «Кавказ».

* * *

С давних времен в разных странах одурманивание было уделом привилегированной касты жрецов — посвященных. В американской доколумбовой культуре ацтеков, майя, инков широко применялись листья коки, различные мескалиносодержащие вещества.

В Древней Греции ярким примером были Дельфийский оракул и Элевсинские мистерии, использовавшие в первом случае

предположительно закись азота, а во втором гашиш.

На Востоке широко использовался опий и гашиш. Интересно, что термин «ассасин» — «убийца» — происходит от слова «гашиш», поскольку члены ордена ассасинов находились под сильным воздействием этого наркотика. Арабское «хашишими» трансформировалось во французское «ассасин».

В культуре потребления вина, считавшегося божественным напитком, было очень много ритуального. Ритуальность — вот что объединяет все формы традиционного приготовления к «кайфу». Эта ритуальность менялась в зависимости от культур, времени и наркотических форм.

Алкогольная культура, в отличие от иных форм наркотизации, безусловно (мы не говорим об алкоголизме), носит ярко выраженный характер социализации. Это объединяющий унифицирующий механизм, снимающий социальные ограничения и личностные комплексы.

В СССР культура питья при полном отсутствии выбора напитков и недопустимо низком качестве стала главной из культур, тесно вплетаясь в национальную культуру каждого народа. Более того, эта культура оказалась самой объединяющей.

Хочу напомнить, что одним из первых деяний Великой Октябрьской социалистической революции было разграбление алкогольных складов, давшее новый стимул восставшим рабочим и матросам. В тоталитарной стране свобода выпить была одной из немногих. А попытка М.С. Горбачева поменять эту свободу

на другие окончилась полным провалом. В питейной культуре СССР каждый напиток предполагал свой ритуал. Ходил такой анекдот:

На границе Москвы и области лежит пьяный. Милиционер звонит начальнику:

—Куда везти в вытрезвитель?

—Понюхай, если пахнет водкой — в Москву, если самогоном — в область.

—Пахнет коньяком.

—Тогда пускай отдыхает.

Сегодня такой детерминизм вряд ли работает.

В СССР народы живо и искренне перенимали друг у друга алкогольные традиции. Вся страна пила грузинские вина, имитируя грузинские застолья. В Узбекистане обильно пили водку — ибо это не сок виноградной лозы. Как справедливо замечает автор, каждому народу опьянение даёт свой особый тип поведения, обусловленный генетической особенностью алкоголь-дегидрогеназов расщеплять алкоголь и способностью нейромедиаторов взаимодействовать с продуктами расщепления.

Однако групповая ритуальность всегда была и остается главной. Вспомните — кухонная культура душевной свободы, массовый подъём первомайской демонстрации с полуоткрытым выпиванием «в меру», свадебное празднество до драки и т.д.

Чуткие регистры пьющего человека в рамках данной свободы тут же настраивали поведение на правильный лад. Отсюда и эта отпускная традиция, эти осмысленные лица, этот «последний бой» за право насладиться результатом боя и соответствовать собственному ощущению прекрасного.

Сухарь

В начале пути сухарь за дринк практически не держали. Количество кайфонов, то есть градусов, было позорно мало, цена, правда, была ниже (1р. 27 коп. против 1р. 87 коп.), но уж не настолько, а изжога гарантирована. Поэтому прибегали к нему в самых крайних случаях — не хватило, скажем, на портешок, и настрелять не удалось. Под сухарём понимались почему-то в основном белые вина грузинского разлива — «Гурджаани», «Вазисубани» (в народе — «Вася с зубами»), «Эрети», «Алиготэ». Потом, правда, появилась «Гымза» — болгарское красное вино в большой оплетённой соломой бутyli. Бутыль нравилась — размером, соломой и тем, что из «Гымзы» можно было сварить глинтвейн, добавив туда сахару, лимона и гвоздики. На такую экзотику хорошо покупались герлы. Впрочем, в их отсутствие никакой глинтвейн не варился. На юге тема сухаря получила продолжение. В Гурзуфе тебе за 15 копеек наливали из бочки на колёсах кружечку ледяного рислинга, а в Судакe подача рислинга отдыхающим была автоматизирована — целое каре автоматов украшало центральную площадь города. Рислинг был кисёл до невозможности, но что-то же пить надо было — не квас же, в самом деле! Давились, пили, мучились жгучей отрыжкой. Юг вообще творил с людьми чудеса. В Гурзуфе в закуске под названием «Чайник» продавали в разлив портвейн «Кавказ», и считалось совершенно нормальным и даже обязательным принять там стаканчика три-четыре и пойти на набережную смотреть на девушек. Вернувшись в Москву, я в первый же вечер по привычке выпил четыре стакана того же «Кавказа» — и упал навзничь, как коммунист в финале одноименного

фильма. В воздухе, что ли, дело? Или в общей атмосфере благодушия и спокойствия, которая в Крыму тех лет преобладала? Учёным ещё предстоит сказать своё слово. И настоящий роман с сухарём случился в начале семидесятых на Черноморском побережье Кавказа, куда мы с «Машиной» ездили гулять под видом работы. Это называлось «домашнее вино». Не знаю, можно ли его с полным правом назвать сухим вином. Более того, не уверен, что его можно было назвать вином вообще — строго говоря, это была определённая субстанция, изготавливаемая местными бабушками и обладавшая своеобразным воздействием на психику и физиологию человека. Состав зелья держался в секрете. Ходили слухи, что среди прочего добавляют туда лист табака и куриный помёт — для ужаса. Не знаю. Похоже, в основе всё-таки был виноград — он покрывал собой всё пространство вокруг домиков местных жителей, был мелок и всегда незрел, есть его было невозможно, но что-то же с ним делали, верно? Бабушки клялись, что это чистая «Изабелла». Мы, как культурная элита, имели у бабушек преимущества — нам делались небольшие скидки, и иногда позволялось вместе с бабушкой спуститься в погреб и выбрать вино, которое понравится — из нескольких бочек. Не хухры-мухры. Мерялось и отпускалось вино баллонами, то есть трёхлитровыми банками — 4р. 50 коп. за баллон. Пустые баллоны следовало приносить с собой. Впрочем, нам, как постоянным клиентам, бабушки доверяли и выдавали свои баллоны — до завтра. Собственно, захоти мы пить что-то другое — выбора у нас всё равно не было, — в округе отсутствовали магазины, а если даже и доехать до ближнего, то не было денег на то, что там продавалось. К тому же подсадка на «домашнее вино» происходила быстро и прочно, и ничего другого уже не хотелось. Пилось домашнее вино вечером, когда спадала жара, обязательно большой компанией и

обязательно в безумных количествах — я наутро пытался подсчитать, сколько же ушло баллонов, и никогда мне это не удавалось — к концу вечера память слабела. Крепости это вино было небольшой, но какая-то дурь в нем содержалась, это точно. Может быть, работало количество. Один из техников «Машины времени» по кличке Дед утверждал, что, если залпом выпить трехлитровую банку воды, случится небольшой приход — минуты на три-четыре. Первым делом отказывали ноги, причём не совсем — частично теряли управление. Поэтому возвращалась компания, опираясь друг на друга. А в голове творилась весёлая чепуха, тянуло на пустяковые разговоры и занимательные истории. На вторую неделю ежевечернего употребления начались неприятные сны. Суть их сводилась к тому, что я мучительно пытаюсь что-то вспомнить — скажем, стою посреди Москвы и вспоминаю, где я живу, — и никак не получается. Или пытаюсь позвонить себе домой и вдруг забываю номер. Я поделился тревогой со старшими товарищами — меня успокоили, сказали, что это обычное дело. И правда — скоро я привык к этим снам и перестал обращать на них внимание.

Кстати, по поводу количества или, точнее, критической массы. Один мой товарищ, совсем не дурак выпить, решил с этого дела соскочить путём понижения градуса. То есть с водки и вискаря пересесть на сухие вина. Не на то южное пойло, о котором я вам рассказывал, — нет, на хорошие сухие вина, благо средства позволяли. Леденящая Франция. Спустя некоторое время он с удивлением признался мне, что если, употребляя виски даже в очень больших количествах, он всё же никогда не терял нити, связывавшей его с происходящим вокруг, то, выпив сухого — бутылочки три-четыре, — рвал эту ниточку начисто, и выпадал из реальности. Это у него

называлось «убиться сухеньким». Если говорить о моём отношении к сухому вину сейчас — оно, безусловно, уважительное. Есть блюда, в компанию к которым сухое вино просто рвётся. Начисто лишён снобизма касаясь винтажных французских вин стоимостью от трёхсот долларов и выше, хотя в гостях с удовольствием пью. Восхищаюсь французами, сумевшими задурить голову всему обеспеченному человечеству. Сам же регулярно приобретаю молодые итальянские, австралийские и южноафриканские вина — и поверьте, они у меня не залеживаются.

* * *

Использование брожения и ферментации для производства вина — одно из древнейших завоеваний человечества. В Китае найдены кувшины, в которых вино производилось 9 тысяч лет назад! Известный историк-революционер Андрей Складов считает, что вино приготавливалось по рецептам богов-пришельцев — астронавтов с планеты, где перенос кислорода в крови ее обитателей происходил не за счёт связывания с железосодержащим гемоглобином, а с каким-то медным соединением. Богам было нужно выводить железо, поступавшее в организм с пищей на земле, и вино выполняло функцию протектора. Недаром во всех мифологиях вино считалось божественным напитком, и на основе божественных традиций формировались обычаи употребления. Понятно, что в странах, где есть виноград, процесс этот естественный, и с юных лет люди привыкают дополнять трапезу вином. Естественно, при этом формирование тонкого

понимания соответствия продукта питания тому или иному вину. В регионах северных, к которым в основном относится наша Родина, и в период становления нашего поколения понятие «вино» носит в основном обобщенный характер. К этому разряду относилось и белое хлебное вино, оно же водка, и плодово-ягодное вино, оно же бормотуха.

Редкие наши соотечественники, приобщившиеся к винной культуре, стали настоящими ее ценителями, большинство же лишь имитируют тонкое понимание и следуют моде. Вспоминаю случай с одним моим приятелем, который заказал в одном из лучших гастрономических ресторанов фирменное блюдо с дорогим вином Petrus 1973 года. Сомелье долго расточал комплименты по поводу тонкости и правильности выбора, пока мой приятель не добавил к заказу кока-колу — запивать. Для него это было нормальным, для сомелье — крахом представлений о веками сформированных сочетаниях. Именно учитывая условность в России вина как понятия, местное производство на Черноморском побережье могло не соответствовать никакому стандарту. К упомянутым названиям этого домашнего шедевра могу прибавить еще «шмурдяк», фонетически тонко отражающий как сам напиток, так и состояние после. Говорилось, что добавлялись или махорка или почему-то селитра. Выпивать все равно было надо, и эти эрзацы, вызывающие изжогу и сжигающие слизистую оболочку, соответствовали спросу и пониманию, что на юге надо пить натуральные вина.

Строго говоря, к наркологии это имеет весьма отдалённое отношение. Наверное, правильнее говорить о гидравлическом ударе или о токсикологии. Отсюда и тревожные сны, которые скорее могут быть следствием отравления, чем опьянения.

Впрочем, согласен, что здоровые молодые организмы на свежем морском воздухе легко справлялись с тем и другим, а гормональный фон, резко повышенный ожиданием вечерних встреч с девушками создавал иллюзию опьянения. Думаю, молодым людям, вкусившим настоящего вина, с младых лет будет проще влиться в единую мировую культуру поклонения божественному нектару.

Второе лирическое отступление

А знаете, какая самая большая пытка? Это та, которая вплотную прилипает к самой большой радости. И происходит это совершенно одинаково — будь ты в Гамбурге, Нью-Йорке или Омске, ибо наш человек везде одинаков, а последние годы даже более одинаков вдали от родины.

И вот ты отыграл концерт, и он опять получился отличный, хотя никаких предпосылок к этому, казалось, не было — и аппаратура так себе, и самочувствие, и вообще. И когда ты, согретый этим неожиданным счастьем, наконец, оказываешься в гримёрке, и начинаешь стаскивать через голову мокрую рубашу — тут-то всё и начинается. Никакие просьбы по поводу того, чтобы к тебе в комнату хотя бы десять минут никого не пускали — не работают. Дверь не запирается, а если вдруг и запирается — в неё будут барабанить, как милиция с ордером на обыск. И вот всовывается первая морда, он толстый и вспотевший, и на лице его ещё следы песни «Поворот», которую он только что громко кричал вместе со всеми, а у тебя ещё руки не вынуты из мокрой рубашки, и даже, когда вынешь, ты его всё равно не выпихнешь за дверь, потому что он, как террорист заложника, ведёт перед собой бледную немощную девочку лет шести — дочку, и, конечно, фотографироваться надо будет с ней, хотя ей это на фиг не нужно, она не понимает, куда попала, и ей, так же, как и тебе, хочется, чтобы всё это быстрее закончилось. И становится тоскливо ясно, что чем объяснять этому толстому, что не надо сюда заходить, как к себе домой, проще дать ему щёлкнуть и пусть

идёт к чёртовой матери, но тебе надо сначала хоть что-то на себя накинуть, хотя толстому всё равно — он может и так. Потом он будет долго устанавливать ребёнка перед тобой, а сам обязательно в это время расскажет, что он рос на твоих песнях, и где слушал тебя в восемьдесят втором году, и присутствие шестилетней заложницы не позволит заткнуть ему рот, а лицо его будет светиться таким счастьем и любовью, что у тебя опустятся руки. Наконец, он сделал всё, что хотел, и уходит, пятась, но это только начало группового изнасилования. Потому что дверной проём уже заполнен подошедшими. Их объединяет общее выражение лиц. Так смотрит три дня голодавший на жареного цыплёнка. Помните старинный фильм про нашествие зомби в универмаг? Они идут небыстро и даже как-то неуверенно, но спасения от них нет. В последнюю секунду удаётся, как в кино, захлопнуть дверь и прислонить к ней своего директора, но смысла в этом уже никакого нет — ты в осаде. И с тоской вспоминаешь короткий опыт гастролей по загранице, только по настоящей, не русскоязычной — там даже к самой начинающей школьной группе за кулисы не пропустят ни одного человека — даже если за него попросят музыканты. В общем, находится компромисс — за дверью собирают бумажки, билеты, пластинки, сигаретные пачки и заносят в комнату ворохом — на всём этом надо будет сейчас расписаться. Это уже легче, хотя настроение подпорчено, и расписываешься, не глядя, и одеваешься быстро и сквозь строй в коридоре пробегаешь в автобус, правда, по пути надо сфотографироваться с охраной, которая пропустила к тебе всю эту шоблу, с пожарниками и с родственниками организаторов концерта — это святое. И вот ты, наконец, в автобусе, и все музыканты здесь, и вас везут ужинать в ресторан. Думаете, всё? Не тут-то было!

Если это зарубеж, то ты десять раз накануне попросил — пусть это будет какой угодно ресторан: китайский, итальянский, японский, местный — только не русский! Не потому что ты русофоб. А потому что в русском групповое изнасилование будет продолжено. Называться он будет обязательно «Тройка», или «Матрёшка», или «Самовар», и умный хозяин уже продал места тем, кто мечтает пообщаться и выпить с артистами, за это артистов, может быть, даже накормят бесплатно, и вообще у него с организатором концертов свой договор — мы завтра уедем, а им тут вместе жить. И поэтому после лживых заверений тебя всё-таки подвозят к ненавистной «Тройке», а ты ослаблен концертом, не знаешь города, и время такое, что всё остальное уже закрыто. Организатор прячет глаза, клянётся, что тут «только свои», ему бесполезно объяснять, что его «свои» — это совсем не твои «свои», а жрать хочется, и, стискивая зубы,ходишь внутрь. В этот момент раздаются аплодисменты, а лабухи на сцене обрывают на полуслове «Владимирский централ» и переходят на «Марионетки», и ты идёшь быстро, опустив глаза, за свой стол, уже не в силах ничего изменить и не понимаешь, почему за твоим столом не шесть мест по числу музыкантов, а двадцать четыре? А это как раз «свои». Если всё происходит на родине, то помимо организаторов гастролей и спонсоров за столом располагаются первый зам. губернатора, главный судья, главный гаишник, главный милиционер и главный бандит — все с жёнами.

В случае заграницы ты даже предположить не можешь — что за люди сидят за твоим столом, мало того — это тебе совершенно неинтересно, и когда тебе их представляют — через силу улыбаешься и киваешь, хотя ни черта не расслышал, лабухи опять взялись за «централ», и нет никакой силы и возможности объяснить этим неплохим, наверное, людям, что ты свой

концерт сегодня уже отработал и просто хочешь побыть в тишине один или с друзьями, но никак не в их компании, и будут кричать тебе через стол, прорываясь сквозь ресторанный гвалт, и брызгая закуской, чокаться с тобой за «группу нашей юности», и рассказывать какую-то ерунду, и заглядывать в глаза, а ты всё будешь притворяться, что слушаешь, а станут опять фотографироваться, положив руку тебе на плечо и приставив с другой стороны пышную, как клумба, жену. И если тебе удалось в обход всего этого быстро выпить свои сто грамм, проглотить кусок мяса, незаметно выскользнуть из-за стола и сбежать в гостиницу — тебе повезло. А количество совместно выпитого находится в прямом соответствии со степенью взаимного уважения — они готовы были выпить с тобой ведро, и никого ты, ей-Богу, не хотел обидеть, но совершенно невозможно заставить себя напиваться с этими незнакомыми дядьками и играть роль, которую они для тебя придумали. И разговоры, конечно, будут: «Чего это он? Важный какой-то» — «Да нет, приболел просто...» — «Да ну! Вот Якубович приезжал — так тот нормальный мужик. Гуляли так гуляли!»

Простите меня.

Поучительная история про Чикаго, Мика Джаггера и сухое вино

Поверьте, я рассказываю эту историю совсем не ради вздорного бахвальства — типа «ах, с какими людьми связала меня жизнь». Напротив, если есть возможность не знакомиться со всякими западными звёздами, я её использую. Просто очень хорошо представляю себе, как где-нибудь в Луганске ко мне подводят робеющих ребят из местной группы, я улыбаюсь, жму им руки, слушаю их рассказ про то, как они росли на наших песнях, испытывая внутри мучительное безразличие и к ним и к тому, что они там делают, — голова занята собственным сегодняшним концертом и кучей своих проблем. Знакомиться надо на равных. Но дело в том, что история эта здорово вписывается в контекст нашего повествования. В общем, после 25-летия «Машины», которое прошло в виде мощного семичасового сейшена на Красной площади, мы ощутили крылья за спиной и решили в следующем году дать новый виток этому делу. Происходило это, стало быть, в девяносто четвёртом. Мне позвонил Тёма Троицкий и сказал, что его приятель, английский режиссёр, дружен с Роллингами, и есть возможность вытащить их на Красную площадь. Мало того — мы должны с ним и с этим режиссёром на днях лететь в Чикаго, чтобы встретиться с Джаггером и обсудить всё с глазу на глаз. "Хороший может получиться день рождения «Машины»! — подумал я и с радостью согласился. Этим же вечером мы встретились с Тёминым англичанином — его звали Джо Дорден-Смит, и он в своё время снял ставший культовым фильм-

концерт «Роллинг Стоунз» в Гайд-Парке — памяти Брайана Джонса. У Джо оказалась милейшая русская жена, что сильно облегчало общение. Было очень странное ощущение — когда явная сказка вдруг начинает вторгаться в реальность. С завистью гляжу я на молодое поколение — они напрочь лишены всяческих пиететов, и им что Ван Хален, что Рома Зверь, да последний, может быть, и любимее. Они не жили за ржавой железной стеной, не проводили ночи, пытаясь расслышать далёкий голос Джаггера через монотонный хрип советских глушилок — дай им Бог здоровья. Для нас же (для меня, во всяком случае) Битлы и Роллинги всё равно остались немножко жителями какой-то волшебной планеты, на которой нам никогда не побывать, и ничего с этим чувством уже не поделать. И вот через два дня мы летим к Роллингам! Нам заказаны билеты и забронированы номера в знаменитом отеле «Риц Карлтон», где живут «Роллинг Стоунз»! Не помню уже, как получилось, что Троицкий летел сам по себе, а я — с Джо. Кажется, из-за наших гастролей. Я встретился с Джо в Шереметьево, на нём не было лица. «Всё отменяется!» — с ужасом подумал я. Нет, ничего не отменяется, просто вчера у Джо украли пиджак вместе с паспортом, он сделал невероятное — за один день выправил в посольстве новый документ, но в нём отсутствует российская въездная виза — а значит, и выпустить его из России никак невозможно. Я упал на колени перед самым главным пограничником и — Джо выпустили. Ну где ещё, в какой другой стране? Всю дорогу до Чикаго я не спал. И так и сяк представляя себе предстоящую беседу с Роллингами, к тому же по пути выяснилось, что мы ещё и приглашены на концерт — он как раз будет в Чикаго завтра в рамках тура «Woodoo Lounge». В общем, в «Риц Карлтон» я приехал в состоянии крайнего нервного истощения. Мы встретились с Тёмой, и Джо повёл нас в чей-то номер —

по-моему, концертного менеджера «Роллинг Стоунз». Я прижимал к груди видеокассету со съёмкой нашего концерта на Красной площади — чтобы дать какое-то представление о том, как всё это выглядит и что мы вообще не врём. Из разговоров с Джо получалось, что Роллинги клюнут на такое престижное место, он, Джо, снимет про это фильм, а у нас получится отличный день рождения, так что все оказывались при своём интересе. Накануне в Москве я с диким трудом перевёл видеозапись из PALa в американский NTSC, из-за чего она потеряла процентов 70 качества, но выхода не было — я очень на эту кассету надеялся. В комнате сидело несколько человек, мы вежливо поговорили ни о чём, и вдруг вошёл Мик Джаггер — точно такой, как на картинках. Если посмотреть сбоку — совсем плоский. Он даже не вошёл, а как-то втанцевал в комнату — грациозно и стремительно. Я понял, что мы пожали друг другу руки, и с ужасом осознал, что не понимаю ни слова из того, что Мик говорит, — я не мог пробиться через его акцент. Троицкому это как-то удавалось, а Джо вообще спасал ситуацию — его английский я понимал как русский. Ещё минут двадцать мы безуспешно пытались включить видик — похоже, с момента открытия гостиницы им никто не пользовался. И вот на экране появился родной силуэт Исторического музея, наша сцена и море народа. Звука мы так и не добились, но это было не важно — Джаггера интересовали не мы, а Красная площадь и зрители на ней. «Сколько народу там было?» — спросил он. «Около трёхсот тысяч», — ответил я. (До сих пор точное количество неизвестно, так как билетов не продавали — вход был свободный, но эту цифру мне назвали милиционеры — они разбивали собой зрителей на квадраты и знали, сколько было квадратов и сколько в среднем людей в каждом). «Больше, чем в Вудстоке!» — восхитился Джаггер. «Билеты были дорогие?» Узнав,

что концерт был бесплатный, он сказал: «Ну, и мы тогда сыграем бесплатно». Ух, какое у меня было хорошее настроение! Потом Джаггер предложил спуститься в ресторан поужинать. Почему бы и нет, чёрт возьми? Мы вышли из номера, дошли до лифта — по дороге попалась молодая горничная, которая, увидев Мика, чуть не упала в обморок — видимо, не вся гостиница была в курсе, кто у них там живёт, — и спустились в ресторан, где Мику Джаггеру и Артёму Троицкому в вежливой форме сказали, что мы, конечно, всё понимаем и преклоняемся перед вашим талантом, но в ресторане отеля «Риц Карлтон» следует появляться в пиджаке и ботинках, и никак иначе. Мик был в майке и кроссовках, а Тёма в каком-то свитерочке. Я по наитию надел в Москве пиджак — совершенно непонятно с чего. Надо сказать, что Джаггер не стал закатывать истерику на манер наших звёзд — «Да вы знаете, кто я такой? А ну, директора гостиницы сюда!», а, напротив, мило посмеялся, мы поднялись в номер, и он достал из шкафа два пиджака, один из которых надел на себя, а другой — на Тёму, и, убедившись, что пиджак впору, тут же его ему и подарил. Не буду вас донимать деталями — рассказ этот, повторяю, не про знакомство с Миком Джаггером. В общем, за столом нас было шесть человек. Было заказано — салат из свежих овощей с креветками, баранина на рёбрышках и — бутылка хорошего белого вина. Ужин прошёл весело — мы обменивались смешными гастрольными историями и удивлялись, насколько какие-то вещи похожи. Остальные Роллинги были тут же в ресторане, но сидели за разными столами — каждый со своей компанией. Они производили впечатление сухоньких старичков, а Кейт Ричард — ещё и мёртвого сухонького старичка. Когда меня подвели к нему, и я пожал ему руку, было ощущение, что в этой руке вообще нет костей. «Как он будет играть завтра?» — подумал я. На

их фоне Джаггер выглядел просто орлом. В общем, ужин закончился, мы получили жёлтые бэджики с пятнистым чучелом, дающие право на проход всюду, а также билеты на завтрашний концерт с местами в центре, и Джаггер попросил после концерта зайти к нему в номер. С головой, полной счастливой ерунды, я добрёл до своей комнаты, зарылся в перины и проспал почти сутки — проснулся практически к концерту. Концерт происходил на стадионе. Город Чикаго вообще напоминает мне по архитектуре Выставку Достижений Народного Хозяйства, а стадион был просто оттуда — абсолютное торжество сталинизма, с какими-то статуями невероятно мясистых быков и мощными фигурами колхозников, то есть, видимо, ковбоев, героев капиталистического труда. Впрочем, был этот стадион в меру велик и потому уютен, а на поле, между прочим, располагался партер — никакой стоячки. Было страшно интересно ходить за кулисами и смотреть за приготовлениями к концерту — там существовало несколько концентрических кругов допуска, шатёр с выпивкой и закуской для журналистов, целая столовая для обслуживающего персонала — сотни полторы людей сновали туда-сюда, каждый был занят чем-то своим, и в воздухе висело нервно-торжественное ожидание — как перед запуском космического корабля. Самих Роллингов видно не было — только маленький седой Билл Уайман курил с кем-то около урны. В качестве разогревающей команды играл не кто-нибудь, а Ленни Кравиц. Он отлично отработал где-то час, правда, явно не на полной мощности звука и при довольно скромном освещении, и, закончив, демонстративно прошёл через весь партер к пульту звукорежиссёра — слушать Роллингов. Яне буду описывать вам концерт. Зачем вам это? Прошло десять лет, и все, кому было интересно, это уже видели. Могу только сказать, что последнюю песню, конечно,

«Satisfaction», я досматривал из-за кулис, и длиннющий лимузин стоял с заведённым мотором прямо у спуска со сцены, и в какой-то момент живая музыка незаметно перешла в фонограмму, и мокрые Роллинги кубарем скатились со сцены прямо в машину, она рванула с места и вылетела в открытые ворота. А в зале ещё никто не понял, что произошло. После концерта Джаггер нас не принял. Нам сказали, что он неважно себя чувствует, и просил зайти завтра. На завтра мы улетали и зашли к нему перед самым отъездом. Я поблагодарил его за концерт. «Это был самый худший концерт за весь тур», — огорошил меня Мик. Я начал возражать (мне, правда, очень понравилось), но Мик сказал, что я не видел других концертов и не могу сравнивать. «Я не мог бегать!» — сокрушался он. «Я приказываю ногам — бегите! — а они не бегут! Зачем я только пил накануне вино!» Я не сразу понял, что он имеет в виду полтора бокала белого сухого, которые он выпил с нами накануне вечером.

Милостивые государи! Господа и дамы, поклонники и поклонницы! Вы, уверяющие себя и друг друга, что тамошние рок-н-рольщики (уж «Роллинг Стоунз»-то!) сначала упьются, обдолбаются в дым, а потом уже выходят дарить своё искусство людям! За всех в мире не поручусь, но рассказ мой — чистая правда от слова до слова. И не надо путать имиджевые штучки и действительное положение вещей. Вообще степень ответственности за своё дело у тамошних звёзд прямо пропорциональна их энергетике на сцене — в этом я убеждался многократно. Кто-нибудь скажет, что она прямо пропорциональна их гонорарам. Не думаю — во всяком случае, если провести финансовый чудо-эксперимент с нашими артистами, лучше попадать в фонограмму они не станут. Может быть, Мик Джаггер и работает лучше всех в мире, потому что даже три глотка сухаря за сутки до концерта могут ему

помешать? Остальные события не имеют отношения к нашей теме и малоинтересны. Мик своей рукой написал нам бумагу, из которой следовало, что «Роллинг Стоунз» обещают приехать к нам с концертом на Красную площадь будущей весной. Храню эту записку как память — аукционная, между прочим, вещь. Мы улетели, потом выяснилось, что ничего Мик не решает, а решает его менеджер, всплыл малоприятный мистер по имени Майк Коул и сообщил, что концерт, конечно, может быть и бесплатный — для зрителей, но миллион долларов придётся заплатить. Причём вперёд. Мы вывернулись наизнанку и нашли-таки сумасшедшего бизнесмена, готового потратить свой миллион на такое дело (были же люди в девяносто четвёртом!), но переговоры затянулись, и Роллинги всё равно не приехали, найдя какое-то идиотское объяснение — у вас, дескать, война в Чечне. Приехали они через несколько лет по другому приглашению и не на Красную площадь, а в Лужники, и никакая Чечня им не помешала. Бог с ними. Я не об этом. Я о бокальчике сухого вина накануне концерта. А? Что касается «Машины» — у нас была своя алкогольная история. В давние годы, в нелегальные времена любой сейшн был праздником. Поэтому, естественно, выпивалось, но основная часть выпивалась всё же после сейшена, а перед концертом — чуть-чуть, для куража, или, как говорили, «для завода». С семьдесят девятого года мы отправились в бесконечные гастроли, и сейшны превратились в концерты — приятную, но всё-таки работу. Наши глотки не выдерживали гастрольного графика (понедельник-пятница по два концерта в день, суббота-воскресенье — иногда по три). Я ещё не имел никакого авторитета и не мог запретить продавать третий концерт — публика ломилась, а директора программы изумлялись — мы ж для вас стараемся, вам бабки не нужны, что ли? Так вот, глотки садились, и

коньяк в небольших количествах был просто необходим (рюмка перед первым концертом, ещё одна перед вторым). Коньяк — грузинский или армянский — три звёздочки — повсеместно продавался в артистическом буфете за кулисами дворцов спорта. Я настолько насобачился, что замечал недолив в два-три грамма и выигрывал все споры с барменами, какими бы честными у них ни были глаза. Однажды в городе Волгограде за три минуты до третьего звонка, покупая в буфете две по пятьдесят себе и Кутикову, я заметил вслух, что уже пятый раз оплачиваю это удовольствие, а то, что у Кутикова в концертных штанах нет кармана для денег, так это не причина. Гордый Кутиков, опорожнив рюмку, повернулся к буфетчице и произнёс: «Будьте добры, сто пятьдесят лучшего коньяку для моего друга!» Впечатлённая буфетчица подала мне почти полный стакан. Я принял его залпом и сообщил, что не могу уйти, не ответив другу. Пришлось и Сане махнуть сто пятьдесят. К этому моменту звонки уже отзвенели, в зале сняли свет, и публика послушно заревела. На сцену я вышел легко — как обычно. Первая песня называлась «Возникает из недопетости...», и я пел её один под гитару в луче пушки. Ко второму куплету случилось страшное — я понял, что не могу координировать все свои действия, потому что приходится одновременно делать массу вещей — зажимать аккорды левой рукой (в нужной последовательности!), правой — перебирать струны в строго определённом порядке и при этом петь, попадая в ноты и не путая слова. Я покрылся холодным потом. От ужаса я, кажется, выдавил весь коньяк через поры, и к последнему куплету стало легче. Не люблю коньяк до сих пор.

* * *

Ну вот, яркое подтверждение известной присказки: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Конечно, держать спортивную форму и быть готовым выложиться на сцене — непросто, и требует соблюдения спортивного режима.

Здесь мы затрагиваем важный вопрос индивидуальной толерантности — то есть способности пере-работать определённый объем алкоголя без существенного вреда для поведения и здоровья. Даже не представляю себе, что может один бокал сухого вина сделать с человеком, чтобы на следующий день страдать от него.

Можно предположить, что кумир автора и миллионов в юности страдал запоями. В этом случае и одной рюмки достаточно, чтобы «запустить процесс». Организм требует продолжения банкета, и отказ от этого предложения вызывает встречные забастовочные действия: сегодня бегать не хочу. Алкоголиком человек не перестает быть, даже если не пил 30 лет — биохимия изменена. И это не вина, а беда.

Надеюсь всё же, что описанный эпизод — проявление индивидуальной непереносимости — когда в организме отсутствует или снижено содержание алко-гольдегидрогеназы. В этом случае даже небольшая доза алкоголя вызывает неадекватные последствия.

Что касается коньяка, выпитого с Кутиковым, — случай обычный. К слову — о коньяке. В городе Коньяк, на реке Шарант, недалеко от Бордо, в XV веке шла активная торговля белым вином, которое покупали большей частью голландцы для дальнейшей перепродажи. При хранении и транспортировке

вино портилось, и голландцы, которые производили «aqua vitae» — водку, — привезли в Коньяк перегонные аппараты, чтобы делать винный концентрат. Он не портился, его потом можно было разбавлять водой. Так получали бренди — от голландского «branwin» — жженое вино. Бренди хранилось и перевозилось в дубовых бочках. Одна из партий особо долго не востребовалась. Когда попробовали хранившийся в них напиток, оказалось, что он приобрел отличные вкусовые качества. Так родился коньяк, который обязан быть родом только из одного из 6 районов вокруг города Коньяк. Всё остальное — бренди.

Коньяк — коварный напиток, расширяющий сосуды и быстро достигающий мозга. Расширенные мозговые капилляры повышают внутричерепное давление, алкоголь, попавший в клетки мозга с примесью сопутствующих ароматических углеводородов, нарушает текущие процессы и восприятие. Если в это время не пить, то все «нормально». Пить лучше до «удара» или после него, когда мозг адаптируется к новой реалии. Знаю, что таких случаев было много, но они просто не запоминаются, потому что все «отлично прошло».

Немного о смешении

Расхожая теория относительно того, что пить следует что-нибудь одно (в течение конкретного отрезка времени) и избегать смешений напитков, в общем и целом, верна. Если вы наметили себе прямой и пологий спуск с горы и ваша основная задача — оказаться внизу целым и невредимым — так и поступайте. Но если ваша задача — получить удовольствие от путешествия, как можно больше увидеть и испытать, — не стоит быть таким прямолинейным. Конечно, извилистые окольные пути могут таить опасности, и если вы не обладаете знаниями и опытом, а главное — лишены чутья, рисковать не стоит. Пейте что-нибудь одно — своё любимое. Помните, что было со Стёпой Лиходеевым, который после водки пил портвейн? То-то. Сказать по правде, я и сам долгие годы исповедовал моногамную картину употребления. Во-первых, помнился горький юношеский опыт смешения по нужде, то есть от весёлой безысходности. Тошнило страшно. Во-вторых, это происходило оттого, что количество употреблялось непомерное — в этом случае, действительно, с пути лучше не сворачивать. Но вот что интересно — если рассмотреть полотно праздничного обеда — русского, европейского — не важно, здесь картины совпадают — мы увидим, что моногамией тут и не пахнет. В самом начале полагался аперитив — у нас обычно настоечка, у них — виски, джин, потом водочка под холодные закуски и суп, белое вино под рыбные блюда и красное — под мясо, и в качестве даджестива, то есть на десерт, — ликёры, портвейн, коньяк. Как наборчик? Я не говорю уже о культуре коктейлей — не моё развлечение, в принципе, но не будем отмахиваться от

факта существования. Думаю, такая программа в идеале не предполагала обильного выпивания — еда сильно преобладала над питьём. А если не удерживались — ну что ж, видимо, нажирались и страдали с утра и гоняли Прошку за рассолом. Многолетнее изучение процесса и ряд опытов, поставленных на себе, позволяет мне сделать несколько выводов, которыми буду рад поделиться. Если уж вы рискуете пойти на смешение, то соединяйте однокорневые напитки, то есть напитки, получаемые из одного исходного продукта. Кстати говоря, популярная в народе версия, согласно которой крепость напитков по мере употребления должна только возрастать, в моих опытах подтверждения не получила. Дело не в крепости. То есть, если вы пьёте сухое вино, получаемое, как известно, из винограда, можете добавить в меню коньяк, изготавливаемый из того же продукта. Хорошо впишется сюда граппа. Но водку, созданную из злаков, я бы не рекомендовал, а виски — ячменный напиток — испортит вам весь праздник. Кстати о виски — знатоки рекомендуют пить его не со льдом, а слегка разбавляя обыкновенной водой — негазированной, естественно. Казалось бы — гадость. А вы попробуйте! Вполне допустим в небольших количествах портвейн, мускат и мадера, но не увлекайтесь напитками, содержащими сахар, — основные неприятности грядут от него.

Особенно это касается ликёров — классическая ликёрная рюмка по объёму приближается к напёрстку. А больше и не надо. Если честно — вообще ликёров не надо, не царское это дело. Виски, как ни странно, отлично сочетается с пивом, хотя, казалось бы, с пивом вообще ничего не сочетается. В основе обоих напитков лежит ячмень, и этим всё сказано. Это, кстати, давно подметили японцы, которые, возвращаясь с работы, выпивают шкалик вискаря, полируют кружечкой пива, и

тысячными толпами нестройно маршируют в караоке — я нигде больше не видел такой равномерно бухой и позитивно настроенной толпы. Несколько особняком стоит водка. Если вы подвержены порочной привычке запивать, а не закусывать водку (ужас, по-моему) — рекомендую запивать её квасом. К тому же лёгкая естественная газированность кваса может в сочетании с водкой дать милый и причудливый эффект. С портвейном водку пить действительно не надо — классик прав. Сентенция «водка без пива — деньги на ветер» отдаёт брутальным средневековьем, эти развлечения не для меня. Некоторые любят, когда молотком по голове. Все эти знания, так и просящиеся в таблицу, — ничто перед способностью ощущать движения тонких материй, пронизывающих наше существование. Движения эти постоянны и непредсказуемы, и тому, кто чувствует их, открыты бескрайние поля наслаждений. Истинный мастер в этой области — мой друг Борис Гребенщиков. Несколько раз, имея под рукой неограниченный выбор компонентов, мы пускались с ним в интереснейшее путешествие, и я доверялся ему целиком. Скажем, начиналось всё с бутылки отличного красного французского винтажного вина. Когда бутылка иссякала, Боря внимательно слушал пространство и уверенно сообщал, что именно сейчас отменно пойдёт вискарь, но хорошо, если это будет двадцатипятилетний Macallan. Я не спорил. Минут через сорок лёгкую тяжесть от Macallan'a предлагалось устранить с помощью охлаждённого шампанского Dom Perignon 1986 года и — о чудо, это работало. Закончиться всё это могло под утро абсентом, только, разумеется, настоящим, пражским, и, поспав часа два, мы расставались в прекрасной физической и духовной форме без малейших признаков похмелья. Не знаю, в чём тут дело, — действительно ли в тончайшем ощущении момента или вообще в личной ауре БГ — ни с

кем другим я бы в такую авантюру не пустился, а если бы и пустился — кончилось бы всё катастрофой. Поэтому описанные события — ни в коем случае не руководство к действию. Надеюсь на ваш здравый смысл — вы же не пойдёте сигать с крыши, насмотревшись на акробатов в цирке. Минздрав предупреждает.

* * *

Когда идет речь о смешении напитков, подразумеваются не их вкусовые качества или производимый пьянящий эффект, а их способность вызвать утром тяжелую головную боль и прочие мучения. Автор справедливо отмечает лучшую сочетаемость напитков, производимых из одного исходного продукта. Особенно если и продукт, и напиток — качественные. Однако давайте проанализируем, почему смешение вызывает столь неоднозначное состояние потом. В основе этого неприятного явления лежит способность этилового спирта повышать проницаемость гематоэнцефалического барьера — некоего условно совокупного комплекса мембранных факторов, обеспечивающих особую устойчивость мозговых структур к проникновению в них чужеродных элементов. При употреблении алкоголя молекулы этанола образуют бреши в гематоэнцефалическом барьере, и в них без труда проникают ненужные гости — токсические продукты, присутствующие в напитках, сивушные масла и т.д. В этом случае, если концентрация алкоголя невысока, проницаемость не нарушается. Так что

умеренное употребление вина практически не сказывается на мозговых процессах. С другой стороны, крепкие, но лучше очищенные напитки вызывают существенное изменение показателей проницаемости мембран.

Понятно, что если сначала принять крепкое зелье, а потом запить чем-то полегче, то в мозг хлынут все продукты недоочищенных слабых напитков. Уж лучше наоборот: пусть по крови сначала погуляют эти сивушные масла и выделятся почками и печенью, а уже затем сделать дыры в гематоэнцефалическом барьере. Отсюда известная мудрость — повышай градусы, а не понижай.

По поводу запивания квасом. Не уверен, что есть серьезное отличие от запивания другими слабоалкогольными напитками (в квасе, в зависимости от рецепта, до 5% алкоголя), а примеси неконтролируемы. Но вот опохмеление квасом, безусловно, дело правильное. Квас раньше готовился на грубом ржаном хлебе и содержал весь комплекс витаминов В. Именно этим объясняют редкие случаи синдрома С.С. Корсакова — алкогольного полиневрита — у алкоголиков, похмелявшихся до революции в массе своей именно домашним квасом.

Остальные ощущения относятся к индивидуальной переносимости того или иного продукта. Кто-то может выпить бесконечно много виски, но и одна рюмка рома вызывает страшную головную боль. Многие любят текилу за утреннюю мягкость и сочетаемость с другими напитками, что отчасти объясняется сочетанием соли и лимона, традиционно дополняющих эту выпивку. По поводу ураганных смешений имени Бориса Гребенщикова могу сказать как

свидетель, что объяснения этому я не нахожу. Это из области НЛО и экстрасенсов. Могу лишь подтвердить, что выпивается немерено, а голова не болит. Хорошо было бы создать портативный аналог Б.Г., позволяющий при его включении выпивать всё подряд, не думая о последствиях. Коммерческий успех гарантирован.

Культура флэта

Флэты возникали, как правило, с приходом тепла, когда родители друзей перебирались на дачу. Обычно они уезжали с пятницы по воскресенье, отчаявшись зазвать с собой так внезапно повзрослевшего сына. Тогда вдруг возникал ФЛЭТ, то есть свободная от предков («предки» — не говорили, говорили — «парэнты») территория, пригодная для распития алкогольных напитков с представителями противоположного пола, то есть с ГЕРЛАМИ. Лихорадочно звонилось герлам, покупались напитки (в Москве это называлось «кир» или «дринк», в Питере — «бухалово»). Тут каждый покупал что мог, и компания собиралась обязательно большая и разношерстная. Циничный расклад типа «сколько комнат — столько пар» в голову ещё никому не приходил, да и свинство это было бы — лишать друзей радости флэта. Герлы были случайные (все!), так как постоянных подруг ни у кого не водилось, да и водиться не могло, никому не приходило в голову тратить на них время — ухаживать, что ли? Поэтому герлы осторожничали и часто ЛАЖАЛИ, то есть крутили динамо — обещали приехать, а сами ехали на какой-нибудь другой флэт. Несоскочивших уговаривали взять с собой подружек, как правило, жутких — у каждой красивой герлы было минимум две некрасивые подруги — для оттенения её красоты. Впрочем, после второго стакана и перевода освещения в интимный режим разница между ними становилась практически незаметной. Сейчас я понимаю, что герлы в свои пятнадцать лет были гораздо опытнее нас, и если мы всё ещё мучились проблемой первого соития, то у них эта проблема была, как правило, уже решена, причём с более зрелыми представителями класса

мужчин, поэтому глумились они над нами, собаки, страшно. Портвейн на определённой стадии давал юношам крылья, начинались жаркие неумелые приставания, которые ничем не кончались, не считая тянущих болей в области гениталий. В лучшем случае удавалось пообжиматься с некрасивой подружкой красивой герлы в тёмной ванной и даже расстегнуть ей верхнюю пуговку, но в этот момент красивая громко сообщала из коридора: «Лена, я ухожу! Ты идёшь или остаёшься?» Лена вырывалась из объятий, тяжело дыша и застёгивая пуговку, вылетала в коридор и исчезала из твоей жизни навсегда. К этому моменту дринк безнадёжно кончался и если до этого не скинулись и никто не сбегал (до 19.00!), то происходили посягательства на родительские запасы (если таковые имелись). Иногда происходили удивительные вещи. Однажды таким образом была обнаружена бутылка яичного ликёра «Адвокат». Пить жёлтое густое никто не захотел, и тогда один будущий химик предложил сварить ликёр в кастрюльке с целью отделения желанного спиртуоза от яичной дряни. В процессе кипячения всё получилось ровно наоборот — спирту-оз улетучился, а на дне осталась совсем уже густая субстанция, напоминающая тесто. В отчаянии мы напекли из неё блинчиков, которые никто есть не стал. Съели их потрясённые родители, вернувшиеся с дачи на следующий день. В случае же «скинуться и сбегать» тоже иногда возникали забавные ситуации. Скинуться, понятно, было делом святым, благо, как правило, кидать было уже нечего, а вот бежать никому не хотелось — вставать, расплёскивая и зря расходуя портвейновое тепло, расплывшееся по телу, толкаться в жутком магазине за пять минут до закрытия — эту картину сейчас описывать бессмысленно, сочтут плохим фантастом. Но был среди хипповой братии один чувак (не буду называть его имени — вдруг жив?), который с

готовностью вызывался сбегать. Правда, часто ему не везло — на обратном пути одна из бутылок билась. Он переживал, предъявлял битое стекло, и никому ничего такого не приходило в голову, пока однажды чисто случайно всё не раскрылось. А делал он вот что: по дороге из магазина задерживался на лестничной клетке, заходил за лифт, доставал из сумки миску и марлю, осторожно бил бутылку над марлей, на которой оставались осколки, выпивал из миски винище, складывал осколки в авоську, напускал на себя грусть и возвращался на флэт. Его долго били. Когда я недавно рассказал эту историю своему приятелю, он недоверчиво подумал и сказал: «А зачем миска и марля? Неужели нельзя было просто выпить из горла, а потом разбить флакон?» А нетронутая пробка? Эх, темнота... По окончании бардака флэт убирался неумелыми юношескими руками, утраты маскировались — рюмки расставлялись в серванте иным порядком, чтобы количество разбитых не бросалось в глаза. Отпитые родительские напитки доливались водой и чаем. У папы нашего Японца Кавагое (а он был совсем уже настоящим японцем) на видном месте хранилась эксклюзивная бутылка виски «Сантори» какой-то невероятной выдержки. Мы с Японцем отпивали по чуть-чуть и доливали туда чай, пока не заметили, что никакого виски в этом чае уже нет. Спустя пару лет папа-японец сильно удивился. Конечно, все разрушения замаскировать не удавалось. Я лично помню, как после субботнего бардака в квартире моих родителей на стене, оклеенной светло-жёлтыми обоями, осталась чья-то жирная девичья пятерня — прямо над диваном, на который её хозяйку, видимо, пытались завалить. Пятерня не совпадала с моей ни размером, ни формой, я обречённо ждал скандала, всё равно тупо стоял на своём (моя, и всё!) и в результате даже ушёл из дома на двое суток. По истечении коих, впрочем, вернулся.

Были, конечно, флэты более долгоиграющие — я знал таких два. Принадлежали они, как правило, дипломатам, исполнявшим свой нелёгкий дипломатический долг вдали от родины, и их элитные московские квартиры временно переходили под ответственность их дочек. Интересно — всегда дочек! Видимо, сыновей этого возраста оставлять одних боялись, а дочек — нет. Зря, зря... Флэты были роскошные, и помимо возможности дринкануть и потискаться, в них присутствовала масса прочих соблазнов — проигрыватели иностранного производства с сумасшедшей акустикой, фирменные диски, всякие заморские штуки. Иногда удавалось вскользь приобщиться к настоящей американской сигарете или, скажем, джину (рассказов потом было!). Публика на этих флэтах собиралась более изысканная и не настолько случайная (правда, это касалось только мужской половины), иногда там даже завязывались знакомства. В остальном, впрочем, происходило ровно то же самое. Непревзойденным специалистом по выявлению таких флэтов и внедрению в число их постоянных посетителей был Кутиков. Он-то и брал меня иногда с собой. Так что сиживали за столами, не беспокойтесь.

* * *

Как известно, выпивание — занятие общественное. Конечно, алкоголику в состоянии тяжелой абстиненции компания не нужна. Но в остальных случаях — это процесс глубоко социальный. Исторически совместное употребление спиртного за трапезой было важным элементом общения. Человечество создало специальные заведения, где в

отсутствии иных помещений, чтобы не беспокоить семью, люди могли насладиться горячительным и закусить в своё удовольствие.

Так сложилось, что, с одной стороны, развивались постоянные дворы, превратившиеся позднее в гостиницы, дававшие кров и еду вместе с выпивкой, с другой — трактиры — то есть стоящие «у тракта» прообразы будущих точек общественного питания на дорогах. В этих заведениях всегда наливали. Интересна история пабов — одних из самых ярких представителей профильного алкогольного направления. Когда-то пиво варили все. В каждой семье было своё пиво. Ходили друг к другу в гости и пробовали. У кого-то получалось лучше. Молва шла по округе, и самые успешные начинали продавать свои изделия, специализируясь уже исключительно на производстве веселящего. Пабы становились центрами культурной, общественной и политической жизни. Это были естественные клубы. Кстати, высокие табуреты были придуманы давно, чтобы излишне выпивший у стойки посетитель обозначил своим падением максимально принятую дозу. В России в 1533 году был открыт первый «царев кабак», где продавалась государственная водка. К концу века водка продавалась только в «царевых кабаках» — была введена государственная монополия на производство и продажу спиртного.

Какое это имеет отношение к флэту? Прямое. Чтобы выпивать, надо где-то собраться. В советское время рестораны были слишком дорогими и формальными, рюмочные и котлетные закрыли, пивзалы и пивбары были

слишком шумными и не располагающими к процессу задушевного выпивания. Это были скорее алкогольные фаст-фуды — «закидался и домой».

Поэтому каждая социальная группа в условиях тотальной алкогольной зависимости всей страны искала и находила свою неповторимую замену кабаку и пабу. Безусловно, абсолютную пальму первенства здесь держит «кухня». Люди, переехавшие в 60-х из комму палок и бараков, обнаружили у себя пятачок «свободной земли», где можно было, не вставая с табуретки, дотянуться до плиты и холодильника, на котором стоял приемник ВЭФи шипел иностранными голосами антисоветские откровения. Эти кухни и выпитое на них были катализаторами самиздата и диссидентского движения. Простому бытовому задушевному пьянству на кухнях тоже было очень уютно.

Следующим по популярности местом я бы назвал гаражи. Гаражи вообще. У человека могло не быть машины и гаража, но выпивать у гаражей — это другое. Это изолированный мир, куда не ворвется чужак. Если же гараж был своим — это давало возможность практически владеть трактором. У рачительного хозяина конечно же были стаканы, а в погребе гаража хранились соленья и другая закуска. У особо удачливых в гараж вмещалась еще половинка старого дивана (на всякий случай). То время, которое мужчины проводили в гаражах, не объяснялось одним лишь низким качеством автомобилей. Это было алиби — возможность бежать из семейного быта на остров свободы.

А вот эстетствующая молодежь, проживавшая в больших квартирах с модной,

нечеловечески дорогой музыкальной аппаратурой, имела флэт. Как правило, предполагалось, что родители — дипломаты или иные «выездные». Это обеспечивало и пустую квартиру, и классную музыку. Экзотические напитки из обязательного бара тоже были немым подтверждением причастности к красивой заграничной жизни, казавшейся недостижимым раем. Отсюда и лексика — флэт, дринк, герла...

Относительно герлов — то есть девушек: флэт был тем местом, где было можно всё. Всё, что удастся. Потому что других мест не было. Ну, разве что дома в отсутствии родителей или в турпоходе. Так что в этом плане — секса в СССР не было. А на флэте — был. Потому что флэт — это был не СССР, это была виртуальная западная территория, на которой творилось, что и должно было твориться на Западе, — секс, рок-н-ролл и наркотики, в наше целомудренное время успешно заменявшиеся самой разнообразной выпивкой. Всё поклонение Западу потом рассыпалось в один миг, но тогда...

Я ещё раз могу сказать, что ничто не разрушало социализм с такой силой, как алкоголь, дававший иллюзию стремления к свободе.

Пельменная

Вы помните, господа, что такое пельменная?

Нет, я не имею в виду первые ночные пельменные начала перестройки — вроде бы для таксистов, — про них отдельный разговор. Нет, я — про обычную пельменную семидесятых, коих в нашей безбрежной тогда стране было — сколько их было? Пельменная в России — больше чем пельменная. Как вы переведёте это слово иностранцу? Дамплин хаус? Не смешите меня. Пельменная — абсолютная модель мира — со своей эстетикой, запахами, хамством, нечаянной добротой, сложной структурой взаимоотношений человеческого и божественного. Вся советская держава — одна большая пельменная. Помните дверь? Она облицована каким-то казённым пластиком — под дерево, и в середину вставлено оргстекло (стекло давно разбили), и оно мутное и покорябанное и запотевшее изнутри, и красной краской на нем набито — «Часы работы с 8.00 до 20.00», и кто-то попытался из «20.00» сделать слово «хуй» — не получилось, и поперёк ручки намотана и уходит внутрь жуткая тряпка — чтобы дверь не так оглушительно хлопала, когда вы входите, и вы входите с мороза и попадаете в пар и запах. Я не берусь его описать — молодые не поймут, а остальные знают, о чём я. В общем, пахло пельменями — в основном. Слева — раздаточный прилавок, вдоль которого тянутся кривые алюминиевые рельсы — двигать подносы. Гора подносов, которые, кстати, здесь называются не подносы, а — разносы. Чувствуете — не барское «подносить», а демократичное — «разносить». Интересно, в каком году придумали? Так вот, гора разносов висится на столике с голубой пластмассовой поверхностью, и разносы тоже пластмассовые,

коричневые, с обгрызенными краями, и они все залиты липким кофе с молоком, про это кофе — дальше! Вот откуда корни перехода слова «кофе» из мужского рода в средний. Может быть, «говно» тоже когда-то было мужского рода? И тут же лежит ещё одна жуткая тряпка, такая же, как на ручке двери, — эти разносы от этого кофе протирать, и конечно, никто этого не делает, потому что прикоснуться к серой мокрой скрученной тряпке выше человеческих сил, и несут разнос, горделиво выставив руки вперёд — чтобы не капать на пальто. За прилавком — две толстые тётки в когда-то белых халатах и передниках. Они похожи, как сестры, — голосами, движениями, остатками замысловатых пергидрольных причёсок на головах, печалью в глазах. Это особая глубинная печаль, и ты понимаешь, что ни твой приход, ни стены пельменной, ни слякоть и холод за окном, ни даже вечная советская власть не являются причиной этой печали — причина неизмеримо глубже. Вы когда-нибудь видели, как такая тётка улыбнулась — хотя бы раз? Одна из них периодически разрывает руками красно-серые картонные пачки, вываливает содержимое в огромный бак, ворочает там поварёшкой. Из бака валит пар, расплывается по помещению, оседает на тёмных окнах. Вторая равнодушно метает на прилавок тарелки с пельменями. Пельмени с уксусом и горчицей — 32 коп., пельмени со сметаной и с маслом — 36 коп. Сметану либо масло тётка швыряет тебе в тарелку сама, а уксус и горчица стоят на столиках — уксус в захватанных пельменными руками и оттого непрозрачных круглых графинчиках, а горчицы нет — она кончилась, и баночка пустая и только измазанная высохшим коричневым, и торчит из нее половинка деревянной палочки от эскимо, которой кто-то всю горчицу и доел, и идёшь по столам шарить — не осталась ли где. «Простите, у вас горчицу можно?» Столы маленькие, круглые и высокие — чтобы

есть стоя, на ножке у них специальные крючки для портфелей и авосек, а потом ножка переходит в треногу и упирается в пол, и сколько не подсовывай туда сложенных бумажек — стол всё равно качается. Пельменная, если угодно — маленький очаг пассивного сопротивления советской власти, пускай неосознанного. У нас тут внутри своя жизнь и свои отношения, и никаких лозунгов и пропаганды, и приходим мы сюда делать своё мужское дело, и или ты с нами, или не мешай — иди. Ибо кто же приходит в пельменную просто поесть? Поэтому нужны стаканы, и если у тётки хорошее настроение — до известных пределов, разумеется, не до улыбки, — она вроде бы и не заметит, как ты хапнул с прилавка пару стаканов и не налил в них этого самого кофе. А если тётка в обычном своём состоянии — возникнет вялый скандал, и придётся брать кофе и выпивать его, давясь, потому что вылить просто некуда, и водка потом в этом стакане будет мутная и тёплая. Бачок с кофе (это называется «Титан») стоит в конце прилавка, перед кассой — там, где вилки и серый хлеб. Кофе представляет из себя чрезвычайно горячую и невообразима сладкую и липкую жидкость — сгущёнки не жалели. Стаканы гранёные и обычные тонкие — вперемешку, но надо брать гранёный, потому что тонкий моментально нагреется от кофе и его будет очень трудно донести до стола. Вилки навалены грудой в слегка помятом алюминиевом корытце. Они тоже алюминиевые, слегка жирноватые на ощупь, и у них сильно не хватает зубов, а сохранившиеся изогнуты причудливым образом — недавно специальным постановлением советской власти был отменён язычок на водочной крышке, теперь это называется «бескозырка», и снять её без помощи постороннего колюще-режущего предмета невозможно. Говорят, какой-то умник подсчитал экономию от бескозырок — сколько тысяч тонн металла будет сэкономлено, если не

делать язычков. Думаю, на алюминии страна потеряла в сто раз больше. Но вот ценой ещё пары зубьев крышечка проткнута — естественно под столом, вслепую, а двое твоих друзей заслоняют тебя от бдительных тёток, и ты, рискуя порезать пальцы, сдираешь ненавистный металл с горлышка, а там ещё коричневый картонный кружочек, а под ним — совсем уже тоненькая целлофановая плёночка, и — всё. И, конечно, разлить сразу на троих, а выпить можно и в два приема — после первого глотка чувство опасности отпускает, и что странно — небезосновательно. Человек выпивший и человек трезвый существуют в параллельных, хотя и близких, но разных реальностях, и то, что может произойти с одним, никогда не произойдет с другим. И наоборот. И вот — стало тебе хорошо, и мир наполнился добротой, и день вроде не прожит зря, и дела не так уж безнадежны, а пельмени просто хороши — всё ведь зависит от угла зрения, правда? И с тобой рядом твои дорогие друзья, и пошла отличная беседа, и кто-то уже закурил втихаря «Приму», пуская дым в рукав. Сколько таких пельменных, разбросанных по необъятному пространству страны, греют ё этот миг наши души? Вот входят, настороженно озираясь, трое военных в шинелях — явно приезжие, слушатели какой-нибудь академии или командировочные, пытаются открыть под столом огнетушитель с красным портвейном, суетятся, бутылка выскальзывает из рук, громко разбивается, мутная багровая жидкость разлетается по кафельному полу, покрытому равномерной слякотью, в устоявшийся запах вплетаются новые краски. Сизый мужичонка в кепке, не оборачиваясь, презрительно констатирует: «И этим людям мы доверили защиту Родины!» И приходят, и приходят, и выпивают, и едят пельмени, и тихо беседуют о чём-то дорогом, и опять спасаются

ненадолго, и выходят, шатаясь, в темноту и метель, забывая портфели и авоськи на крючках под столами.

* * *

Ещё одна культовая точка злоупотреблений советской поры. В чём же причина, что именно пельменные стали таким мощным национальным брендом? Думаю, в самом в продукте. Практически все народы, населявшие бывший СССР, имеют пельменоподобное блюдо в своей национальной кухне. Пельмени считаются традиционным блюдом русской кухни, но серьезные исследователи обращают внимание на ряд особенностей, указывающих на их китайское происхождение: долгая подготовка и кратковременная тепловая обработка перед употреблением, использование специй, ввозившихся извне, употребление непосредственно после приготовления.

В пользу этой версии говорит и то, что китайские пельмени юц-пао традиционны для районов Китая с резкоконтинентальным климатом, походящим на сибирский. Это дает возможность использовать естественную заморозку для консервации полуфабрикатов.

От китайцев секрет пельменей попал в Сибирь и Предуралье. Пермь и удмурты называли блюдо пелнянь — означающее «ухо из теста» (пель — ухо, нянь — тесто). Отсюда и пельмень. Истинную популярность в России пельмени приобрели в XVII веке после присоединения к России Сибири, Башкирии, Казанского и Астраханского ханств.

Изначально в татарском варианте пельменей присутствовала баранина и конина, впоследствии заменённые на более привычные в России говядину и свинину. По одной из версий в древнеуральской традиции пельмени были священным блюдом, символизирующим жертвоприношение мяса домашних животных: говядины, баранины, свинины.

Может быть, пельменное единение — продолжение этой древней традиции?

Тогда было непонятно, что такое франчайзинг или фирменный стиль. Это теперь, с высоты прожитого и увиденного, ясно, что плановая экономика рождала в масштабах страны абсолютную унификацию. Можно было войти в пельменную во Владивостоке и в Калининграде и не найти различий. Островок Родины. Так американцы выстраиваются в длинную очередь в «Макдональдс» напротив Лувра в Париже при наличии вокруг потрясающих французских ресторанчиков. Это запах Родины, знакомый с детства. Ведь обоняние самое подавленное, а оттого и сильное чувство. Из-за невозможности вербализовать запахи, мы раскладываем их на эмоциональные полки ассоциативного восприятия.

Так вот, совокупность запахов старой советской пельменной, состоящей из аромата пельменей, сосисок с зелёным горошком и кофе с молоком, уникальна. Она рождает ощущение того времени. При всём однообразии интерьеров у каждого была своя особая пельменная — около института, работы или дома. И с ней, конечно, связано много всяких историй. К особой категории надо отнести

ночные пельменные для таксистов. Это были подлинные островки свободы в водовороте социализма, когда больше идти было некуда.

А насчет напитков выбор был — портвейн или водка. Кому придет в голову пить что-то ещё в пельменной. Штамп, стереотип, рождающий отчетливый условный рефлекс.

Недавно на Арбате открыли бывший пивбар «Жигули» как ресторан советских времен. Там правильные закуски и играет правильная музыка. Никакие другие напитки, кроме выше обозначенных, невозможно представить. Но это лишь эмоциональная встреча с собственным прошлым. Не думаю, что масштабное распространение пельменных сегодня вызвало бы энтузиазм нового поколения. Так что новое время рождает новые песни, и для кого-то, может быть, запах «Макдональдса» станет новым запахом Родины.

О метафизике перебора

У меня есть товарищ — мужчина средних лет, в меру удачливый бизнесмен, человек достаточной культуры и хороший семьянин. Он обладает странной особенностью — все его рассказы (в мужской компании, разумеется) сводятся исключительно к тому, кто, как и когда нажрался и что потом было. Долгое время меня это несколько коробило — уж больно убогой казалась тематика. Я никогда не любил (и сейчас не люблю) мужчин, выпивающих до потери контроля, и никогда к ним не относился. Однако гораздо легче заляпать чёрной краской то, что нам неблизко, чем попытаться разобраться в сути явления. «Это болезнь, предрасположенность к алкоголю», — скажет медик. Да нет, не думаю. Я знаю массу людей, не страдающих алкогольной зависимостью и иногда оглушительно надирающихся. Неопытность? Позвольте, речь не идёт о пятнадцатилетних юношах. Конечно, в молодости напивались все — от переоценки собственных лётных качеств, детского желания объять необъятное, а также, расплачиваясь за познание мира — эксперименты приходилось ставить на себе, это понятно, и эти случаи мы не рассматриваем. Но что заставляет взрослого матёрого дядьку, прекрасно знающего, чем всё закончится и что его ждёт утром, вновь переступить черту, отделяющую его от понятия «нормальный человек»? В чём дело? Мы с вами уже выяснили, что наибольшее наслаждение человек получает между второй и третьей рюмкой (в среднем) — куда несёт? Могу говорить, опираясь только на собственный опыт, который минимален — уже долгие годы я лишён возможности нажраться во вселенском смысле: мой организм элементарно протестует. После восьмой-

девятой рюмки (это грамм четыреста) ему становится невкусно продолжать пить, а заставлять себя что-либо делать я очень не люблю. На второй день вообще не пьётся, а если попадаешь в жёсткие условия, когда пить всё-таки приходится, — с изумлением замечаешь, что употребил уже грамм семьсот и не испытал волшебного воздействия и сидишь трезвый как дурак, а все вокруг уже хороши, смотреть на них неприятно и разговаривать не о чем. Кроме всего прочего, я не испытываю мук похмелья и никогда не выпиваю с утра — но об этом потом. Так что если бы я и захотел сегодня нажраться, это было бы связано с серьёзным насилием над собой. Память, однако, бережно хранит те редкие моменты, когда в более-менее молодые годы мне это всё же удавалось. Так вот, я поражался, как наутро одновременно с физическими страданиями банального перебора приходила вдруг кристальная ясность, устройство мира становилось понятным и прозрачным, я ощущал небывалую мощь собственного духа и способность ответить на любой вопрос, волнующий человечество. Чем сильнее было это чувство, тем короче был период этого озарения. В другой раз оно могло проявиться не столь интенсивно, но оставалось с тобой дольше, и если ты прожил с ним до обеда и выпил буквально сорок грамм — тебя накрывает удивительная гармония мира, ты становишься частью этой гармонии, и в этом состоянии могут происходить маленькие чудеса — нечто похожее уже было описано в книге «Сам овца», не хочу повторяться. Твоя контактность возрастает во много раз, восприятие обостряется, ты читаешь послания высших сил, и беседа со случайным человеком, которая в другом состоянии вообще бы не состоялась, наполняет тебя мудростью и добром. Неоднократно я получал подтверждение своих ощущений от друзей и знакомых, побывавших в похожей ситуации. В частности, поэт

Иртеньев рассказывал о невероятной пронзительности цветов, звуков и смыслов, приходящих наутро. Может быть, организм, пережив тяжёлую ночь борьбы с отравлением и выиграв эту битву, таким образом празднует победу? Может быть, в переломный момент он бросает в атаку скрытые резервы, до коих в обычном состоянии не достучаться? Дадим слово медикам. Если говорить о концептуальном путешествии — в семидесятых это называлось «загудеть по-питерски». Недавно в Питере мне сообщили, что у них это же действо носило название «загудеть по-московски». Не скромничайте — по-питерски, по-питерски. Для этого требовалась компания хорошо пьющих, то есть примерно одинаково держащих удар людей в количестве от пяти до восьми. Лучше, если в этой компании нет незнакомых — в горы с незнакомым идти опасно, неизвестно, как он себя там поведёт. И вообще, участники экспедиции должны быть психологически совместимы и не вызывать взаимного раздражения. Женщины не приветствуются — они отвлекают от основной идеи и сводят процесс к элементарному бардаку. Далее — нужна квартира. Очень важна возможность максимально изолировать её от внешнего мира — ни звуки, ни свет не должны проникать внутрь. Старые питерские квартиры окнами во двор подходили идеально. После того, как компания и место определилось, закупалось бухалово и еда — с запасом, так как точную протяженность путешествия предсказать невозможно, а нехватка чего-либо в середине пути сорвёт весь поход. Итак, всё закуплено, участники собрались на флэту, после чего тщательно закрываются и наглухо занавешиваются окна, вырубается телефон, и все сдают часы, которые запираются в недоступном месте. Утаившего часы бьют и никогда потом не берут с собой. Впрочем, утаивать их глупо — примерно как лечь в клинику на похудание и

спрятать под подушкой пончик. В такой поход нельзя ходить наполовину. Последнее действие перед стартом — в ванну торжественно набирается вода. Запас воды в ванне и определяет продолжительность путешествия — вода используется для приготовления пищи, чая, умывания и мытья посуды. Краны отныне открывать запрещено. После всего этого можно не спеша приготовить праздничный стол (изыски не возбраняются, хотя не надо играть в фильм «Большая жратва» — всё-таки не жрать.собрались) и начинать пить. Правильная атмосфера в компании, общность вкусов и интересов — залог приятной беседы, но иногда товарищ с другой поляны может внести неожиданно свежую струю. По истечении первого подхода к столу все отправляются спать, а проснувшись, возобновляют застолье. Предположительно дня через два выясняется, что биологические часы у каждого члена команды работают немного по-разному, и коллектив разбивается на две-три группы — кто-то ещё спит, кто-то — уже, а мы гуляем. В среднем через неделю вода в ванне кончается, это сигнал к завершению и выходу в свет. Обычно участники похода заключают пари — какое время суток на дворе, и, как правило, большинство ошибается часов на двенадцать. Люди ходившие как один говорят, что катарсис, который они испытали, выйдя из душной прокуренной тёмной квартиры на волю, где их вдруг вместо ожидаемого яркого дня встретила глухая ночь — не сравним ни с чем. Охотно верю и завидую им, так как в своё время не прошёл через это сам — как-то всё не было времени. Дела, дела... Говорить о лечении похмелья, то есть о лечении того, чем я не болею, я не вполне вправе. Ленин утверждал, что для того, чтобы правильно опохмелиться, нужно выпить ровно столько, сколько было выпито накануне. Мысль смелая, но спорная. Автор другой мысли мне неизвестен, но сама мысль

представляется мне более верной и звучит так: «Неправильно организованное похмелье служит причиной длительного запоя». Лично я рекомендую безалкогольный метод — единственная рюмка, выпитая с утра, может выбить меня из колеи, привычный ритм работы организма ломается, и последствия могут быть очень тяжёлыми. В качестве безалкогольного лечения рекомендую острый жирный горячий суп — хаш, солянка, харчо. В рассолы не верю. Американцы, пьющие с похмелья кофе, вызывают во мне чувство острой жалости — это надо додуматься поднимать и так поднявшееся внутри тебя давление. Пиво размажет вас, лишит воли и отупит до предела — впрочем, если вы собрались после этого прилечь поспать, чёрт с вами — пейте пиво, но не удивляйтесь, если часа через два проснётесь со стойкой головной болью. Если же выше упомянутый острый и горячий суп непреодолимо толкает вас к запотевшей рюмке водки — не теряйте самоконтроль, не промахните нулевую отметку. Обычно до неё — две рюмки с интервалом в 90-120 секунд. Помните, что шкала может быть плохо освещена и трудноразличима, а облегчение, посетившее вас после выше описанного, даст такую волну благодушия и беспечности, что чаще всего нулевую отметку пролетают, снова начинается набор высоты, а старые дрожжи ещё не отбродили и испорченный сегодняшний вечер и убитый завтрашний день я вам гарантирую. Летать со сбитой шкалой приборов — гиблое дело. Поэтому держать во внутреннем поле зрения свою нулевую отметку — необходимое условие алкогольного лечения похмелья. И прошу вас — даже остановившись на ней, лучше посвятите остаток дня отдыху — отложите дела, не становитесь к мартенам, пусковым установкам и рычагам управления страной.

Ну, вот мы и заговорили о главном. Издревле говорили: не хмель страшен, а похмелье. Обороты речи, обозначающие похмелье, на разных языках дают примерное представление о состоянии: «guelle de bois» (фр.) — деревянное рыло, katzenjammer (нем.) — кошачий вой, ressaca (порт.) — откат прибоя, jeghar tommertepp (норв.) — плотники в голове, stonato (итал.) — с нарушенным музыкальным строем, the morning after (англ.) — наутро.

При этом уточним, что похмелье — это неприятные ощущения соматического и психического характера, возникающие на следующий день после алкогольного эксцесса, сопровождающиеся отвращением к спиртному. В отличие от обычного похмелья, алкогольно-абстинентное похмелье, наоборот, требует новой дозы для поддержания нормального самочувствия. Это принципиальное отличие бытового пьянства от алкоголизма.

Мы не будем останавливаться на сложных механизмах развития алкоголизма, ибо относим описываемые автором переживания к переживаниям здоровых пьющих, а не страдающих запоями.

В 80-х годах, при исследовании состояния абстиненции и похмелья, была обнаружена интересная закономерность: у алкоголиков в крови присутствовал метиловый спирт, чего не отмечалось после приёма алкоголя у здоровых. Последующие исследования показали, что у здоровых людей тоже может накапливаться метанол, но выводится он значительно быстрее.

На этом даже можно основать диагностику алкоголизма.

Интересно, что, если выстраивать на метаноле объяснение похмелья, получается занятная картина. Все знают, что метанол — яд, поражающий нервную систему. Одним из первых поражается зрительный нерв. Представим, что при фоновых концентрациях возникает «мягкая» форма отравления с двоением в глазах, нарушениях нервной регуляции. При постоянном употреблении это приводит к хроническому полиневриту (синдром С.С. Корсакова). А теперь вспомним, чем лечат свежее отравление метиловым спиртом. Спиртом этиловым, который вовлекает метанол в метаболическую цепочку и приводит к снижению его концентрации. Таким образом, похмеляясь, алкоголик сдвигает химический баланс в сторону от метанола.

А теперь вернемся к здоровым. Перебор как таковой является мощным стрессом с позитивным знаком: человек выпускает из подсознания накопленных монстров, облегчает общение, улучшает собственное представление о себе и об окружающем пространстве. Происходит истощение нейромедиаторов, сдвиг кислотно-щелочного баланса, изменения на уровне биохимии. И вот оно — первое ночное ощущение — беспокойный сон и мучительная жажда. Жажда возникает из-за дегидратации организма — то есть потери влаги. Во взрослом организме — 60-65% веса тела это вода, к 60 годам этот показатель снижается до 50% у мужчин и до 45% у женщин, а значит, и потери более ощутимые. К тому же мышцы содержат больше жидкости, чем жир.

Из-за учащенного дыхания выводится в полтора раза больше влаги через легкие. Замедляется выработка антидиуретического гормона, регулирующего образование мочи: организм стремится избавиться от токсических веществ. При окислительных процессах, связанных с утилизацией этилового спирта, расходуется дополнительное количество воды. В результате с жидкостью уходят важные минералы — калий, натрий, магний, падает осмотическое давление. И сколько ни пей, влага не поступит в клетки, пока не будет восполнен солевой баланс. Рассола!!! Или жидкости в виде минералки.

Великолепное воздействие на похмелье оказывает препарат глицин (аминоуксусная кислота, получаемая из хрящей крупного рогатого скота). И вот вам хаш и рассольник с кислыми щами. Понятно, почему хорош холодец и рыбное заливное. Рюмка водки, предлагаемая автором, тоже не забава. Вспомните, что накануне вы перестроили организм на переработку спирта. Алкогольдегидрогеназа и микросомальные окислительные системы работали на износ и продолжают по инерции... Как стайеру после утомительного забега организму надо дать чуть-чуть пройтись.

И вот уже чувство легкости снова посещает истерзанное тело и мозг: отлегло. Подобно ливню в жаркий день наступило очищение и весьма искусственное чувство благолепия, столь ярко описанное автором. Два слова по поводу питерских экспериментов с закрыванием в квартире. Должен сказать, что, как и многое другое, этот способ пьянства питерцы позаимствовали у финнов. Там это называется

«пить под ключ», и в оригинальном исполнении предполагает запирание квартиры снаружи. Родился способ не от жиру, а от сухого закона. Скандинавский (как и русский) запас алкогольде-гидрогеназы позволяет выпить очень много. При этом в скандинавском поведении зачастую преобладают агрессивные мотивы. Так вот, чтобы уберечься от возможных неприятностей, квартиры и запирались извне.

Любопытно, что внутренние часы человека основаны на обмене мелатонина и серотонина. Мелатонин — гормон эпифиза, или шишковидной железы, считавшейся третьим глазом. Длительная темнота приводит к дисбалансу меланина и серотонина. Резко падает уровень эндогенного этанола. В психиатрической практике одним из способов лечения депрессий считался яркий свет. В условиях недостатка освещённости, типичной для Скандинавии и нашей северной столицы в зимние месяцы, употребление алкоголя — естественный ответ на происки природы.

Этиловый спирт является мощным адаптогеном — то есть средством, адаптирующим тело и душу к окружающей среде. В пустыне Калахари перед засухой животные наедаются «пьяных ягод» — перебродивших плодов. Принявшие подобный транквилизатор животные имеют больше шансов выжить в экстремальных условиях. Не думаю, однако, что животные страдают похмельем. Так что если полагаться на биологические инстинкты и быть умеренным, то похмелье вам не страшно.

Третье лирическое отступление

Господи Боже, до чего же неловок и хрупок человек, как тонка и прозрачна его кожа, как ненадёжны сочленения и суставы — и как же он при этом беспечен, заносчив и самонадеян! Ещё пару часов назад вы полагали себя полным хозяином собственной жизни, а сейчас стоите, дрожа, в больничном коридоре и с запоздалой осторожностью поддерживаете левой рукой то, что совсем недавно было вашей правой, а теперь она чужая, при малейшем движении гнётся не там, где должна, и вы чувствуете, как внутри её что-то противно задевает друг о друга, и всякий раз при этом холодный пот выступает у вас на лбу и тоненько бежит по спине — не от боли, нет, — от ужаса перед внезапной своей беспомощностью. И вас ведут на рентген, а вы уже знаете, что там случилось — когда что-то действительно случается, ощущения не обманывают. И вот на чёрной плёнке ваша прозрачная ручка, и цыплячья косточка внутри её сломана ровно пополам, и вокруг маленькие крошки. А дальше вам облепили плечо и руку противным холодным гипсом, он нагрелся, застывая, на шее у вас повисла неудобная незнакомая тяжесть, и — на выход, ждать когда освободится место в палате. Но вы не уходите, потому что совершенно невозможно вернуться в ту, нормальную, жизнь в таком виде и состоянии даже на время, и вы мечтаете только об одном — чтобы всё, что с вами должны здесь проделать, началось и кончилось как можно скорее. Поэтому обречённо бродите туда и обратно по коридору, глядя в больничные окна — там слякоть, голые деревья, проезжают грязные машины, идут

озабоченные люди и не ведают своего счастья. А знаете, чем пахнет больница? Во-первых, чем-то, чем наводят чистоту, но не бытовую, человеческую, а после того, как кто-то уже умер. Хлорка, карболка? А ещё — столовой пионерлагеря: перловый суп, подгоревший лук, маргарин. А ещё — тем, чем пахнет в кабинете зубного врача: это смесь запаха то ли спирта, то ли эфира с запахом человеческого страха. А мимо стремительно проходит главный врач, и ещё утро, а у него уже усталое лицо, и вдруг ловишь себя на том, что специально торчишь в коридоре у него на пути, чтобы он тебя увидел и поскорее положил в палату, а это глупость — койка от этого раньше не освободится, и всё равно торчишь, потому что лечь хочется невыносимо, и когда он проходит, пытаешься поймать его глаза, и не получается — он про тебя помнит, но не тобой занята сейчас его голова — вас тут много, а он один. И вот наконец койка свободна, но это ты по старой памяти думал, что взлетишь на неё, как птица, и лежать будет удобно — и хотя над ней висит специальная ручка, как в трамвае для здоровой руки, — карабкаешься на неё медленно и неуклюже, а когда вскарабкался — оказалось, что лежать совсем невозможно: нет такой позы, чтобы твоей каменной руке стало удобно, и вот тут она начинает болеть. Начинает уверенно, не спеша, с расчётом на длинную дистанцию. И проваливаешься в какой-то липкий чёрно-белый полусон, где нет ни времени, ни мыслей, и только бывшая твоя рука, пульсируя на острие боли, не даёт отплыть от убогого причала реальности. Вечером приходит маленькая круглая медсестра. Она несёт на подносике, как официант в ресторане, твои уколы. Она хохотуха, и вдруг понимаешь, что это она не чтобы тебя утешить, а просто у неё такой характер, и от этого почему-то становится легко. И совсем уже легко становится утром, когда тебя переложили на каталку, накрыли простынёй

и везут по коридору в операционную, это совершенно новое смешное ощущение, тебя так ещё ни разу не катали, ты едешь как торт на праздник, и больничные лампы пролетают над тобой, и больные в коридоре заглядывают в твою каталку, как в блюдо, — кого это там повезли, и вообще, разница только в том, что везут тебя головой вперед. Везут уверенно и быстро, и ты совершенно успокоился, потому что с этой минуты от тебя уже ничего не зависит. А ещё потому, что во всех движениях врачей ощущается безошибочность, граничащая с автоматизмом, — это у тебя всё пока впервые, а у них каждый день такой — значит, правда, ничего особенного. А операционная недалеко, и не ясно, за что тебе такая честь — прокатиться на тележке, и немножко неловко, и предлагаешь дойти самостоятельно. Смеются — нельзя. И вот операционная наехала на тебя, знакомый уже врач — ты узнал его по глазам, на всех повязки, — он шутит, над тобой огромная космическая лампа, всё очень торжественно. И даже мысль о том, что сейчас этот чужой тебе человек полезет маленьким острым ножичком внутрь тебя, живого, — не пугает. Интересно только, как ты будешь засыпать. Тебя уже однажды в жизни усыпляли наркозом, и ты тогда не заметил, как уснул, и сейчас из всех сил стараешься не пропустить это мгновение. И всё равно ничего не выходит, и ты уже в палате, всё кончилось, тебя перекадывают на твою койку, и тебе хорошо и весело, потому что из всех ощущений боль возвращается последней. Рука твоя поверх гипса забинтована, оттуда торчит коктейльная трубочка, на неё надет пластмассовый стакан с крышкой, туда из трубочки капает что-то коричневое. Ты представляешь, как эта трубочка уходит под бинтами в самую сердцевину твоей руки, и тебе становится нехорошо. Лучше не смотреть на неё. Но! Тебя починили! Этот доктор залез внутрь тебя и сделал что-то совершенно

тебе непонятное — всё починил! И теперь твоё возвращение к жизни — только вопрос времени! И вот тут хочется есть. Масса всего нового, неожиданного, но уже не трагического. Тебе в палату привозят обед — большие серые кастрюли, красным написано — «ПЕРВОЕ» — и оказывается, что с помощью левой руки вилка попадает в рот легко, а вот ложка — никак! К тому же тумбочка возле твоей кровати устроена так, что сесть за неё как за стол невозможно — упираются колени, и ложку с супом приходится нести очень далеко, это даже здоровому не под силу, и суп капает на пижаму и пока ещё девственно белый гипс. Твой сосед по палате — милейший пожилой человек, но у него всё время посетители, а к тебе никто не приходит — ты сам всем запретил, ты не хочешь, чтобы тебя видели с закапанным супом гипсом и за это жалели. А у него всё время родственники, они очень тихо разговаривают, но всё равно слышно, и встаёшь, и уходишь шататься в коридор, а там совершенно нечего делать, всю наглядную экспозицию по замене суставов ты уже выучил наизусть, а от прохожих по коридору хочется спрятаться — уж очень ты нехорошо выглядишь, а родственники от соседа всё никак не уходят, а если уходит один, то через полчаса приходит другой, и это невыносимо. К тому же ты уже третьи сутки пытаешься разгадать загадку: под потолком у вас в палате висит маленький телевизор, у вас на двоих один пульт, вы соревнуетесь в воспитанности и всё время уступаете его друг другу. В промежутках гуляете по программам, пытаюсь найти хоть что-то интересное. Но как только это интересное находится, ваш сосед тут же переключает канал! Он образованный человек, интеллигентный до застенчивости, и, казалось бы, вас должно интересовать одно и то же — что за ерунда? На Земле так много непонятного. На пятый день всё-таки припираются вдруг друзья-музыканты — с поллитрой,

солёными огурцами, бородинским хлебом и домашней селёдкой в баночке. Ты собирался сердиться — чего припёрлись, — а самому вдруг приятно. Чёрт нас самих разберёт. И выпиваем стоя, разложив газету на холодильнике, как положено, и наливаем соседу, и выясняется, что за пять дней я совершенно забыл вкус водки — наверно, когда организм начинает сам себя чинить, он всё ненужное выбрасывает — делает генеральную уборку в доме. И друзья ушли, сосед дремлет, а ты лежишь, захмелевший (от ста пятидесяти-то!), и вдруг ловишь себя на мысли, что строишь планы, как будто ты уже здоров и ничего такого не было. Всё, что ли, — домой?

* * *

Невероятно точная зарисовка. Узнаваемая ситуация. Человек выбивается из стереотипа текущих событий, и появляется взгляд на себя со стороны. Вы как будто наблюдаете за собой. Это называется деперсонализация. Ясность сознания и чёткое ощущение себя ещё называется вигильностью. Так вот, обычно человек при травмах, болезнях, прочих напастях теряет вигильность сознания. Мозг включает тормозные процессы, возникает некий туман, позволяющий в это время отделить соматические, то есть телесные переживания от душевных, обеспечивая лучшую сохранность того и другого. Чем больше этого самого тумана, тем лучше. Измененное состояние сознания в этот миг работает на оптимизацию и примитивизацию реакций организма. Каждый реаниматолог знает, что, когда в реанимационное отделение попадает

полностью переломанный алкоголик-бомж с порой несовместимыми с жизнью поражениями, его шанс на чудесное выздоровление куда выше, чем у замечательного, трезвого человека, получившего менее значимые повреждения.

Видимо, отключая сознание при тяжелых травмах и нарушая это сознание при менее серьёзных, организм блокирует ненужный «верхний контур контроля», который в этом состоянии своей паникой может только навредить.

А вот когда наступает выздоровление, верхний контур возвращает свои позиции и после поверхностной ревизии начинает возвращать тело к обычному состоянию полной зависимости от сознания. И в этот самый момент появление друзей с привычным и обязательным атрибутом «здорового» общения — бутылкой водки — фанфарами возвещает о возвращении больного в водоворот нормальной жизни.

О сопряжённой магии

Если говорить о магическом действии алкоголя, то оно сегодня не изучено, а полученные в древности знания человечество растеряло. Нам падают на голову яблоки, а мы не видим за этим действия второго закона Ньютона. Убеждён, что было время, когда алкоголь, как и другие психотропные средства, использовался магами и шаманами исключительно для общения с параллельными мирами и воздействия через них на нашу реальность. Потом Ной, как известно, просто выпил — и пошло. Мы опять забиваем микроскопом гвозди. Термин «разгонять облака» появился в «Машине времени» в семидесятые годы совсем не как цитата из известной народной частушки. Просто работая на скучной должности архитектора в советской конторе «Гипротеатр», я заметил несомненную связь между выпиванием креплёных вин в компании Кутикова и архитектора Сомова в обеденный перерыв и улучшением погоды за окном. Всё это описано мной в книге «Сам овца» и повторяться нет смысла. Я подумал, что, возможно, позитивные процессы, происходящие в организме во время правильно организованного распития, каким-то образом опосредованно воздействуют и на окружающую среду, и стал пытаться сознательно направлять эти силы наружу. Погоду исправить удавалось в семи случаях из десяти, в вариантах группового воздействия на природу вероятность успеха возрастала. Позже, во время работы в «Росконцерте», о наших способностях уже знали. Несколько раз на гастролях мы с Кутиковым по коллективной просьбе тружеников сцены останавливали снегопады и шквальный ветер и возвращали график работы «Аэрофлота» в рабочее

русло, что являлось необходимым условием для возвращения артистов с гастролей домой. Давалось это кровью, потому что разгонялись облака исключительно с помощью очень большого количества очень плохого портвейна, по возможности принятого единовременно. Благородные напитки природу не брали. И совсем уже уникальный случай произошёл около года назад, когда я со съёмочной труппой программы «Подводный мир» находился в Японии, на острове Ионагуни. Островок этот являет собой самую южную оконечность Страны восходящего солнца, он крохотен и дик, и если бы не археологические артефакты под водой у его побережья — никто бы и не знал о его существовании. Всё население острова занимает небольшую деревню, тем не менее на острове расположен полноценный аэропорт, куда мы и прибыли. Остров встретил нас шквальным ветром и штормом на океане. На протяжении трёх дней, пока мы, борясь с непогодой, вели съёмки под водой, ветер усиливался и усиливался, и накануне отлёта мы узнали, что аэропорт закрыт, и закрыт, скорее всего, на несколько дней — идёт ураган. Это было ужасно, потому что из Японии мы должны были лететь в Микронезию с массой пересадок, и поменять билеты не было никакой возможности. Экспедиция срывалась. В отчаянии я вспомнил наш старинный способ — больше просто нечего было делать. Напротив общежития, где мы ночевали (назвать это гостиницей язык не поворачивался), прямо через улочку шириной в три метра находилась дверь в магазин — настоящее японское сельпо. Там продавались гвозди, масло для лодочных моторов, рыболовные снасти, сапоги и плащи, какая-то неведомая нам японская еда и питьё. Я с изумлением увидел ряд бутылей, бутылок и бутылочек с одинаковой этикеткой — сакэ. Помимо размеров, бутылки отличались крепостью содержимого — оказывается,

один и тот же сорт сакэ мог варьироваться от 16 до 70 градусов с шагом: 16 — 25 — 30 — 35 — 45 — 55 — 70! Во мне проснулся исследователь, и закуплен был весь ассортимент, благо компания позволяла, а задача просто требовала. Эту задачу я и разъяснил участникам нашей экспедиции за ужином. Ужин происходил в столовой нашего общежития, где нас кормили очень простой и вкусной японской едой, совсем непохожей на то, что подают в наших японских ресторанах. Водолазы — народ понятливый. Следовало: наполнив бокалы, одновременно закрыть глаза и несколько секунд в полной тишине изо всех сил представлять себе абсолютный штиль, после чего глаза открыть и синхронно выпить. Выяснилось, кстати, что лучше всего идёт сакэ в 25-35 оборотов, его уже пьют холодным. Где-то через час к нам присоединились японцы, с изумлением наблюдавшие наши телодвижения. Мы на пальцах объяснили им задачу (английского в Японии не знают принципиально), и они с радостью влились в наши ряды — ураган их тоже не устраивал. За японцами последовали парни из съёмочной группы «Discovery» — это уже происходило в единственном местном баре, так как японцы в борьбе с ураганом упились, и столовая закрылась. Движение ширилось и шагало по ночному острову. Необычайно отчётливо вижу финальную сцену: три часа пополудни, чёрная мгла, рёв ветра и тяжелые капли дождя, летящие горизонтально, как пули, мы стоим на крыше нашего общежития, потому что холл размером два на два не вмещает всех участников битвы, пытаемся наливать сакэ в пластмассовые стаканчики, ветер вырывает их из рук и уносит прочь. Ядополз до камеры, упал на циновку и с мыслью «Не получилось» потерял сознание. Проснулся я утром от тишины. Тишина подчёркивалась редкими каплями, падавшими с крыши за окном с оглушительным стуком.

Ветер не просто стих — он исчез. Внизу плескалось растерянное море — оно не могло выключиться с такой скоростью. В аэропорту разводили руками и говорили, что впервые за много лет их прогноз погоды так ошибся. Мы улетели через два часа. Если вы считаете, что я, как художник, приукрасил картину — спросите у Марка Гарбера, он был участником происходившего. Врачи не врут. Уже много лет я мечтаю об эксперименте мирового масштаба, который положит конец научным разногласиям и, может быть, укажет человечеству путь к спасению. Уровень развития средств массовой коммуникации делает сегодня проведение такого эксперимента возможным, и мне не хватает только организаторской мощи для подготовки его на межгосударственных уровнях. Дело в том, что для успешного его проведения необходимо участие всего пьющего населения планеты — эксперимент в рамках отдельно взятого города ожидаемого эффекта не даст. Самые большие трудности будут с назначением дня и часа — придётся решать проблему с часовыми поясами, одновременно избежать различных религиозных постов. Также предстоит преодолеть ханжеское сопротивление, организованное непьющей частью планеты. Это трудно, но реально. Итак: в назначенный момент (неплохо бы организовать спутниковые телемосты, чтобы единство человечества ощущалось сильнее) каждый житель Земли поднимает бокал со своим любимым напитком (можно один раз угостить человечество бесплатно — алкогольные спонсоры ещё будут биться за право участвовать!), думает про себя о самом хорошем и — выпивает. Президенты и таксисты, студенты и пенсионеры, солдаты и врачи, рабочие и крестьяне — все одновременно пожелают здоровья любимым, счастья детям, окончания войн и хорошей погоды — ибо, что ещё есть на свете хорошего? И — что-то в этот момент произойдёт с нами со всеми: мир

улучшится. Он просто не может не улучшиться. Всё остальное уже пробовали. Надо только, чтоб все.

* * *

Могу подтвердить. Действительно, облака разгоняются, и выходит солнце. Чем объяснить — не знаю. Однажды я был в Мексике в местечке Ушмаль, где стоит комплекс пирамид майя. Экскурсию проводил милейший пожилой индеец майя, родившийся в этих местах. Он вспомнил, как лет 40 назад в Ушмаль приехали высокие гости, и индейцев вместе с местным шаманом попросили исполнить какой-нибудь красочный ритуал. Выбор пал на танец дождя — как самый яркий. В процессе выполнения танца на голубом безмятежном небе образовалась туча, и хлынул дождь. Для меня таинство природы одинаково загадочно при разгоне облаков и при написании песен. Думаю, что в обоих случаях имеет место прорыв сознания в другое измерение.

А уж то, что алкоголь стимулирует творчество и мобилизует сознание на материальное воплощение идеального образа, никто и не сомневается. Не будем вспоминать о злоупотреблявших творцах — их слишком много. Но как обогатили они искусство, и что было бы, не раскрой они ворота в подсознание. Проблема в том, что пьют все, а творят лишь единицы. В случае с автором, могу предположить редкую обратную связь с небесами — не только «они» вкладывают в его десницу вдохновение, но и он способен донести свои просьбы до высших миров. А мы, простые

смертные, служим резонатором для этой звенящей струны. Поэтому он и пытается в этот момент спойть весь окружающий мир, и отказаться, поверьте, невозможно.

Роман с никотином

Когда я был маленьким, очень хотелось примерять на себя личину взрослого. Надо было играть во что-то значительное. Для значительности требовались атрибуты: красной акварелью рисовалось пятно на бинте, и он обматывался вокруг головы. Пачка листков от отрывного календаря изображала деньги, а выломанная из ручки веника палочка — сигарету. Игралось перед зеркалом, говорилось что-то очень серьёзное, шпионское — собственному отражению. Курение вообще почиталось занятием героическим — все положительные герои и в наших и в зарубежных фильмах постоянно курили, стоя у ночного окна с глубокомысленным лицом — мода была такая. Однажды попробовали с дачным соседом Димкой Войцеховским покурить чай — вроде бы похож на табак. Ни черта не вышло. Помню, мы едем в «Волге» какого-то папиного приятеля (у нас машины никогда не было), он курит за рулём папиросы «Любительские» — лиловая пачка, сбоку нарисованы три папироски. Восхитительно пахнет дым! По мере приближения к критическому возрасту в 14 лет курение надвигалось неотвратимо. Пацаны в школе уже дымили вовсю, я покуривал с ними, угощался, но это всё ещё было баловство — для посвящения себя в настоящие независимые курильщики надо было самому купить сигареты — в ларьке. Не мог, робел, откладывал на завтра — казалось, все на меня смотрят, что-нибудь скажу не так — не продадут, погонят с позором. Наконец, однажды вечером, возвращаясь с подготовительных курсов рисунка из института, решил: всё, сейчас! Выбрал ларёк у гостиницы «Метрополь», долго издали присматривался к рядам пёстрых пачек за стеклом — какие взять? Я не

знал. После получасовых раздумий и хождения туда-сюда выбрал «Новость» — и небольшие, скромненькие такие, и с фильтром. Подошёл, протянул в тёмную дырочку мелочь, попросил небрежным фальшивым голосом. Получилось! Отошёл взволнованный, переводя дыхание, попытался закурить. Тут же передо мной остановился Сан Саныч Попов — папин друг, огромный дядька, снял с меня ушанку, закрывавшую пол-лица, заглянул внутрь, как в чайник, увидел меня с торчащей сигаретой, удивился, надел шапку на место и пошёл дальше. Я чуть не провалился сквозь землю. Это событие оттянуло день моего вступления в ряды настоящих курильщиков. Впрочем, ненадолго. На первом курсе института я уже всю разбираюсь в сортах и марках — недолго покулив «Пегас», обратился к истинному табаку — «Приме». Четырнадцать копеек, красная пачка из шершавого картона, никаких тебе целлофанов, на лицевой стороне — чёрная полоса и белой прописью — «Прима». Сейчас вспоминаю — довольно траурный был видок у пачки. Тогда не казалось. Сзади картон некрашенный, серый, и там написано, на какой фабрике сделано. Лучшая «Прима» — краснодарская. Допускался московский «Дукат». Открывать пачку следовало с умом, надорвав её с уголка, чтобы только одна сигарета и пролезала. Если легкомысленно открыть всю пачку, то сигареты в ней по мере убывания станут болтаться, и табак из них высыпется прямо в карман. Да — никакого фильтра, разумеется. Ходила легенда, что «Приму» любит курить английская королева, вот для неё и пачку делают понарядней, и фильтр присобачивают, но у нас этого в продаже нет, это только специально для Англии, папа одного приятеля был в командировке и видел. Перед курением «Приму» надо было подсушить, разложив на батарее — овальные такие в сечении, аккуратненькие сигаретки. За ночь они идеально просыхали и при

курении потрескивали, как пионерский костёр. Продвинутые девочки Архитектурного вставляли в «Приму» вместо фильтра обломок спички — чтобы табак не лез в рот. Парни мужественно сплёвывали. Сигарета «Прима» вызвала культурный шок в Америке. Когда я закурил её в джазовом клубе, ко мне тут же подошёл огромный охранник и, положив руку на плечо, сказал: «Sorry, sir, no marijuana here». Пришлось его угостить. Из прочих табачных изделий допускался «Дымок» — подороже (16 коп.) и похуже, немножко пах дустом. Тоже без фильтра, но сигарета уже круглая в сечении — какой-то другой станок. Самым дешёвым в этой компании был «Памир» — по-моему, копеек девять, но это курить уже было невозможно, лепили их, видимо, из конского помёта. Вполне элегантно шёл «Беломор», самый шик — питерский, фабрики Урицкого. Болгарские братья «Дымка» — «Шипка» и «Сълнце» — были ничего, но пачка у них была сделана из совсем тонкой бумажки, не держала форму, сигареты в кармане мялись и ломались. Из пижонских сигарет с фильтром можно было курить «Яву» — 30 коп., тоже предварительно подсушив. И уже пафос высшего полёта — болгарские «БТ», 40 коп., твёрдая пачка, белая в микроскопическую полоску, красота неземная. Всё остальное была гадость. Параллельно, правда, продавались сигареты дружественной нам Кубы — «Партагас», «Лигерос», «Ким». Делали их из отходов сигарного производства, и прелесть их запредельной крепости я познал несколько позже. Забавно получилось с кубинскими сигарами — мы не понимали нашего счастья. Счастье состояло в том, что братская Куба расплачивалась за советские ракеты чем могла — своим плохим сахаром и восхитительными гаванскими сигарами, которые продавались в каждом ларьке и стоили копейки. Всё официально доступное в период советской власти вызывало недоверие — если каким-то чудом прилавки

вдруг оказывались заваленными итальянским вермутом, казалось, что это всё-таки не настоящий итальянский вермут, не может такого быть в принципе. Если бы нам сказали тогда, сколько стоят эти сигары в свободном мире и как ценятся они среди знатоков — мы бы не поверили. Потому никто и не курил их всерьёз — так, девчонок попугать. Другое дело сейчас — по двадцать долларов за сигарку, вот это дело. Роман с трубкой (у кого же его не было!) длился недолго. Сам факт общения с трубкой — благородным мужским предметом, всякие аксессуары и необходимые вспомогательные действия, целый свод полутайных знаний и правил — как хранить табачок, как замешивать, как не пересушить, как чистить трубку, как и когда давать ей отдыхать, — всё это завораживало и грело мужское самолюбие. Некоторое время даже собирал трубки — занятие истинного джентльмена. Собирать нравилось больше, чем курить, — трубки гасли, воняли в кармане, намертво забивались смесью «Золотого руна» и «Капитанского» — и там и там встречались палки. Табак то оказывался сырым и не хотел гореть, то вдруг сразу пересыхал, становился едким и трескучим. Однажды увидел у кого-то пушистые белые ёршики для чистки трубок, выпросил один, протащил его через чубук любимой трубки, увидел, что там внутри, и с трубками было покончено навсегда. Курил я много, и кончилось это вдруг годам к сорока: я перестал курить. Почти перестал. Потому что ничего я не бросал и не собирался — мне просто расхотелось, стало невкусно. Удивительно, что точно такая же история в свое время случилась с моим отцом — в этом же примерно возрасте. Мне кажется, по отношению к табаку люди делятся на две категории. Если вам хочется закурить, когда вы собрались отдохнуть пять-десять минут, переключиться или вдруг потому, что ваш товарищ так

красиво распечатал пачку и щёлкнул зажигалкой, — вы не безнадёжны. Сигарета нужна вам для отдыха. А вот если вы не можете без затяжки сосредоточиться, погрузиться в дело, и сигарета необходима вам для работы — ваше дело плохо. Я всегда относился к первой категории, мой друг Маргулис — ко второй. В семьдесят седьмом мы жили на юге в одной комнате, и на тумбочке у него рядом с очками лежала пачка «Беломора». Проснувшись утром настолько, чтобы шевелиться, но не настолько, чтобы открыть глаза, Гуля тянулся к пачке. Во мне всегда в эти минуты просыпался садист, и я отодвигал пачку сантиметров на пятнадцать. Гулина рука находила пустоту, на лице отражалось детское изумление, но глаза не открывались. Лапка тянулась дальше, я отодвигал «Беломор» к самому краю, выражение изумления сменялось детской же обидой, но глаза не открывались! В конце концов, мне становилось страшно, что мой друг так и не проснётся без затяжки и навсегда останется в коме, я подпихивал пачку к руке, рука с неожиданной ловкостью выуживала оттуда папиросину, вставляла её в рот, зажигалка щёлкала, Женечка глубоко затягивался и — открывал глаза. «Доброе утро!» Сегодня отношение моё к курению и курящим двойственное, если не сказать — ханжеское. В вечернее время табачный дым в небольшой концентрации совершенно не раздражает, я и сам могу поддаться магии вкусно курящего человека (есть такие) и закурить за компанию. А вот если утром, да ещё до завтрака, да ещё в моём доме кто-то закурит — запросто могу убить одним ударом и прийти с повинной. Странная штука жизнь!

* * *

Впервые курить травы и ароматические вещества люди начали давно. В индийских храмах сохранились фрески с изображением курильщиков. В Египте при раскопках захоронений знати, относящихся ко второму тысячелетию до нашей эры, были обнаружены курительные приборы. Но табак как таковой пришел к нам с Колумбом. Это растение считалось священным у индейцев, и они научили испанцев курить скрученные листья, которые они называли старо. Из второй экспедиции на корабле «Эль-Ниньо» в 1496 году были доставлены специальные растения с острова Табого, давшего ему название. Табак относится к тому же семейству пасленовых, что и картофель, помидоры, перец.

Изначально табак в Европе разводили и как декоративное растение. Курили только сигары и в меньшей степени трубки. Сигары были дорогими, но сигарные окурки крошили, растирали и делали из них самокрутки. Так появились сигареты. Подлинно широкое распространение сигареты получили в Первую мировую войну, когда их включили в солдатские пайки.

Для дам в это же время придумали мундштуки — чтобы табак не попадал в рот. Мундштуки позднее превратились в фильтры современных сигарет. Трубка осталась оригинальным прибором первичного использования табака индейцами, хотя и пережила серьезные изменения. Как и положено долгожителям, сигары и трубки — это ритуал, некий стиль жизни, требующий неторопливости и обстоятельности.

В Россию табак начали завозить в XVI веке, и он получил распространение. Но домостроевские устои того времени осуждали курение табака. А в 1683 году был даже издан указ, по которому курильщиков наказывали шестидестью палочными ударами по пяткам, а торговцам табаком «рвали ноздри и резали носы». Петр I, сам заядлый курильщик, не только снял все ограничения и запреты на ввоз табака, но и активно насаждал эту привычку как проявление европейских взглядов.

Активным веществом, определяющим действие табака, является никотин. Никотин повышает частоту пульса, концентрацию сахара в крови, возбуждает кору головного мозга, расслабляет периферические мышцы.

Автор точно привел два примера зависимости: собственный — психологический и Маргулиса — никотиновый. Чтобы быть точным, скажу, что чистых случаев нет, но есть преобладание той или иной формы. То, что курение вредно, — знают все, и про бедную убитую никотином лошадь тоже, однако даже при современном тотальном наступлении на эту дурную привычку человечество не скоро расстанется с горящими палочками и трубками.

Разное

Само название книги, как ни верти, обязывает меня рано или поздно выйти за дозволенные рамки «алкоголь-табак». Ну что ж, поехали.

Сразу исключаю из поля зрения препараты, которые вводятся в организм с помощью иглы. Детская ненависть к уколам, а также сама мысль о том, что ради чего-то необязательного предстоит добровольно проделать в собственном теле отверстие с помощью острого металлического предмета, варварски вмешаться извне в тайный ход крови и соков по организму — делает эту процедуру абсолютно невозможной. Как говорят на зоне — «я у себя один». (Был, правда, смешной медицинский случай, но об этом позже.) Это же можно отнести к заглатыванию разнообразных колёс, предназначенных изначально совсем для другого лечения от каких-то недугов. Грубо, недействительно, безрассудно по отношению к собственному телу. Тело, как известно, ломается не постепенно, а скачками, как автомобиль: распредвал уже истёрся, но ещё работает, и ты ничего не замечаешь — а завтра он полетел. Только тело, в отличие от тачки, на автосервис не загонишь.

Что касается травы, то мне мешает встать в ряды бьющихся за её легализацию полное равнодушие к ней собственного организма — в результате я просто захочу спать и переводить на меня продукт бессмысленно. На самом деле, трава обладает гораздо более мягким воздействием, чем тот же алкоголь. Чтобы дойти до состояния человека, выпившего бутылку водки, надо выкурить чемодан травы, что невозможно. В отличие от водки, трава никогда не толкает к агрессии, и в том, что мировой официоз на неё ополчился, мне видится

несправедливость. Музыканты всего мира покуривают траву, всем об этом известно и на это почти закрывают глаза — изредка задержат в аэропорту какого-нибудь сэра Пола Маккартни с пакетиком анаши. Разговоры!

Последнее время медики несмело сообщают, что марихуана, оказывается, лечит и предупреждает массу болезней — от астмы до рака. Оговариваются: в строго определённых дозах — ни больше, ни меньше. Так назовите эту дозу, чёрт возьми!

Имею ещё одну индивидуальную особенность, удерживающую меня от употребления — находясь под воздействием чего-нибудь такого, я буду с удовольствием слушать музыку, но играть её не возникнет ни малейшего желания. В семьдесят втором году в студенческом лагере «Буревестник» произошёл показательный случай: какие-то продвинутые грузины принесли на танцы, где мы играли, большую рукотворную папиросу и торжественно её нам подарили. С легкомыслием, присущим юности, мы употребили её по назначению перед самым выходом на сцену — как положено. Думаю, что это был гашиш. Началось вступление к песне «Ты или я», и я со всей отчётливостью понял, что барабаны и бас-гитара уже настолько и самодостаточно звучат, что портить эту красоту своей гитарой и особенно голосом ни в коем случае не надо. Я присел на колонку и заслушался. Артисты сильно смеялись.

Некоторое время я играл джем с одной известной группой, любившей на том отрезке жизни покурить. Меня не покидало ощущение, что все медленные их пьесы играют медленнее, чем надо, мало того — каждая следующая четверть оттягивается назад, попадать вместе было трудно. Причём друг с другом музыканты попадали идеально — они находились в одном состоянии, а я из него вываливался: я считал в голове «раз — два — три — четыре» и добавлял еще

одну сто двадцать восьмую — тогда получалось. Казалось, что музыка их идёт по какой-то клейкой резине, и ноги отрываются с трудом. Я мог бы это отнести на счёт собственных субъективных ощущений, но группа перестала курить траву — и это ощущение исчезло! Восхитительная история: семьдесят второй, тот же лагерь «Буревестник», ночь, мы с барабанщиком Юркой Фокиным сидим на лавочке у совершенно пустой танцплощадки и думаем, где бы найти сигарет. Вокруг ни души. Я вспоминаю, что привёз из Москвы пачку махорки. Не знаю, зачем я её купил: понравилось название — «Махорка. Крупка» и цена — «6 коп.». Купил из любопытства, никогда раньше не видел настоящую махорку. Это оказались такие маленькие табачные дрова. Бегу к себе, отыскиваю на дне чемодана сплюсненную пачку, возвращаюсь к Юрке, мы сворачиваем из газеты огромную козью ногу, засыпаем туда махорку, закуриваем. Через минуту на горизонте возникает какая-то хипповая герла — припозднилась из гостей. Увидев двух известных артистов, она присаживается к нам и спрашивает, что это такое странное мы курим. Не успеваю я открыть рот, как Фокин сообщает ей, что это коллекционная индийская трава, страшно сильная, поэтому девушкам никак нельзя. Ещё минут десять герла упрашивает нас дать ей хоть капельку дёрнуть. Наконец Юрка протягивает ей остаток самокрутки со словами «Только осторожней!», герла затягивается и со словами «Вот это кайф!» падает с ног.

Кажется, это называется «кайф по мнению».

Касаясь галлюциногенов, столь популярных в хипповую эпоху конца шестидесятых, — написано об этом предостаточно и людьми куда более опытными и продвинутыми, не мне чета. ЛСД представляется мне препаратом, открывающим на время совершенно отдельный пласт восприятия, обычно находящийся под

замком. Мало того — произведения, созданные при участии ЛСД, несут в себе помимо явных своих качеств некий зашифрованный слой информации, и считается она только под воздействием этого же препарата, поэтому, скажем, при прослушивании музыки в этом состоянии какие-то артисты будут звучать как обычно, а какие-то — иначе. Всё это имеет отношение к очень тонким материям и вообще узкоспециально. Обдолбаться кислотой и пойти на дискотеку — верх идиотизма. Можно, конечно, компьютером колоть орехи, только зачем?

Во время поездки в Амстердам имел любопытный опыт с какими-то мексиканскими грибами под названием «Философские камушки». Любопытно, но не более того.

Был однажды случай насильственного вмешательства наркотика в мою жизнь, и вот как это произошло. Лет шесть назад я возвращался домой поздно ночью и изрядно, признаться, выпив. Дело было зимой. Мой пёс, огромный кавказец Батя, встречал меня у крыльца, радости его не было предела — сейчас пустят в дом! У меня же, как часто бывает в этом состоянии, любовь затмила разум, я кинулся к нему обниматься, он прыгнул на меня своей восьмидесятикилограммовой тушей, я поскользнулся, упал назад, ударился спиной о порожек джипа и понял, что сломал ребро. Вдохнуть не получалось. Проклиная себя, зиму, дурака Батю, ядополз до крыльца, с трудом отпер дверь и добрался до кровати.

Наутро мы должны были лететь с «Машиной» в Алма-Ату. Хмель прошёл, стало хуже, и я понял, что если дышать в минимальных пределах я как-то наловчился, то петь совершенно точно не смогу. Я позвонил директору — все уже ехали в аэропорт — и попросил отменить поездку. Через пять минут директор сообщил мне, что Алма-Ата умоляет не отменять

концерт и стягивает лучшие медицинские силы прямо в аэропорт, — и я сломался.

Действительно, у самого трапа меня ждал рафик «скорой помощи» и милейший молодой врач. Мы поехали в больницу, где мне перво-наперво сделали рентген. Выяснилось, что ребро не сломалось, а только треснуло, всё не так плохо, уже от этого мне стало лучше, и я предположил, что, может быть, справлюсь с концертом. Доктор настойчиво предлагал мне укол промедола. Однажды, после не очень удачного удаления аппендицита, я уже испытывал на себе действие этого препарата — штука очень забавная, но никак не для работы. Я высказал свои опасения молодому доктору. Но ему так хотелось сделать мне приятное! «Всего два кубика, Андрей Вадимович!» — кричал он, и я уступил. Доктор уложил меня на кушетку, сестра торжественно внесла ампулу с промедолом и кольнула меня в плечо. После чего доктор предложил помочь мне дойти до машины — до концерта оставалось минут сорок. «Да нет, спасибо, я сам» — ничего со мной не происходило. Доктор слегка удивился, пожелал мне удачи, и машина тронулась. И тут промедол догнал меня. Если бы в течение секунды я выпил литр очень плохой и тёплой водки — вот на что это было похоже. Координация движений нарушилась, в животе образовалась противная невесомость, мысли разъехались, и во рту возник вкус медной ручки. За всем этим взрывом ощущений боль действительно скрылась начисто, но это не имело никакого значения, так как я не мог вспомнить ни одного слова, ни одной песни, плохо представлял себе, как берут аккорды на гитаре и чувствовал себя отвратительно. Такого меня и привели на сцену — под руки. Я глупо хихикал от ужаса и просил артистов перед каждой песней сообщать мне тональность, а также стоять, развернувшись ко мне гитарами, чтобы я мог видеть аккорды и начинать петь

без меня, если я вдруг не вступаю. Через минуту занавес поехал вверх, и мы грянули. Никогда в жизни я с такими усилиями не цеплялся за реальность. Убеждён, что усилием воли можно ослабить и даже приостановить действие любого препарата — включаются могучие резервы организма. Мы же знаем случаи, когда человек собрался и мгновенно протрезвел — какая разница? У меня ушло на это минут десять — первые три песни, длиной в жизнь. Не знаю, сколько нервных клеток лопнуло от перенапряжения воли. Я победил.

Нет-нет, господа, никаких наркотиков на работе!

В последнее время набирает силу теория, согласно которой человеку следует питаться тем, что произрастает на его родине и чем питались его предки. Что-то в этом есть. Организму проще выстроить взаимоотношения с родными продуктами, созревшими в том же воздухе и на той же воде. Именно поэтому я уделил основное внимание питию — ну сложилось так исторически, не курил Илья Муромец анаши и грибами не баловался — мёд-пиво пил. Ну, не Кастанеды мы. Так что нам бы с питием разобраться. Да и не с питием — разберитесь с собой, друзья мои. И если вам это удастся, и азы мировой гармонии забрезжат перед вами — я за вас спокоен. Можете по этому случаю даже выпить — если захотите.

Удачи!

* * *

Желание постичь новые ощущения и измененное состояние сознания присутствовало уже в древности. Пытливый ум homo sapiens использовал для этой цели все эмпирически найденные средства. Строго говоря, отнесение

к разряду наркотиков каких-либо веществ является вопросом юридическим, а не медицинским. И водка и табак явно должны относиться к этой категории, но это вопрос экономический. К тому же зависимость может вызвать и употребление, скажем, сала, а это уже вопрос политический. Уже в VIII тысячелетии до нашей эры в Китае культивировали мак, есть его изображения и на табличках шумеров, которым 5 тысяч лет. Раскопки на севере Европы вблизи Боденского озера показали, что в бронзовом веке населявшие этот район племена разводили мак и использовали несозревшие коробочки мака. Из этих коробочек получали опий — засохший млечный сок, вызывающий наркотическое опьянение. Человечество научилось выделять из опия морфий, делать на его базе спасшие много жизней препараты, в частности, промедол, жертвой которого пал наш автор. Тот же порошок — основа одного из самых разрушительных и опасных наркотиков — героина. Геродот в V веке до нашей эры, описывая быт скифского племени массагетов на севере Каспия, отмечал местный обычай садиться вокруг костра, бросать в него какие-то растения и плоды и вдыхать дым. При этом «скифы делались от дыма пьяными, как эллины от вина». Сжигать могли и мак и коноплю.

Каннабис сатива — конопля, марихуана — растет по всему миру. Название происходит от португальского *mariguano* — «пьянящий». Марихуана — это верхняя часть растения с листьями. Гашиш — пыль смолы, которая выделяется каннабисом для защиты от солнца и жары. Соответственно в жарких странах смолы

больше. Китайцы использовали каннабис в III веке до нашей эры в фармакологии. Им лечили боль, отводили злых духов. Из Китая растение попало в Индию. Архатва Веда — один из древнейших памятников индуизма — включает каннабис в число пяти секретных растений. Отдыхавшие на Гоа, согласятся, что с той поры был проведен серьезный маркетинг продукта.

Считается, что для того, чтобы получить максимальное удовольствие, надо «прикуриться». Думаю, что все очень индивидуально. У каждого свой рецепторный набор и способность усваивать внешний продукт — разная. Кроме психических реакций, есть соматические. И они могут быть резко отрицательными. В Америке на протяжении тысячелетий индейцы использовали листья коки и экстракты из них в качестве тонизирующего и психостимулирующего средства.

Другой американский продукт — Кактус пейотль — вызывает опьянение и причудливые видения. Действующее психотропное начало пейотля — мескалин. Индейцы ацтеки считали пейотль божественным, а испанцы — «корнем дьявола».

Тысячелетия назад индейцы майя, как и их дальние родственники в Сибири, ели волшебные грибы, содержащие активный психотропный галлюциноген псилоцибин. Вещества, подобные мескалину и псилоцибину, называют психотомиметиками. Они содержат индол, проникающий в нейроны и встраивающийся в естественный процесс нервного импульса.

Справедливости ради следует сказать, что употребление наркотиков в древности ограничивалось религиозными ритуалами

жрецов и медициной. В XIX веке начался бурный расцвет использования наркотиков как одурманивающих веществ, XX век ознаменовался взрывом морфинизма и кокаинизма в начале века.

Интересно, что морфинистов предлагалось лечить кокаином. Кончалось дурно — развивались обе зависимости.

В середине XX века началось массовое распространение синтетических наркотиков — амфетаминов, ЛСД, крэка и, наконец, «клубного наркотика последнего поколения» — экстази.

Говоря об опытах с ЛСД, надо отметить, что этот наркотик относится к классу психоделиков (от греческого «psyche» — «душа» и «delia» — «иллюзия»). Диэтиламид лизергиновой кислоты появился как медицинский препарат и стал популярным творческим стимулятором в 60-е годы. «Lucy in Sky with the Diamonds» битное — один из лучших примеров такого творчества, читаемого, как говорят специалисты, только под воздействием ЛСД.

Все наркотики имеют аналоги в организме. Небольшие физиологические концентрации эндогенных наркотиков неожиданно замещаются убойной дозой извне, блокируя рецепторы данной категории и вызывая непредвиденную гиперреакцию. Рецепторы снижают чувствительность, адаптируются, и, чтобы вызвать такой же эффект, нужно увеличить внешнюю дозу. Так наступает привыкание.

Мне довелось бывать и работать в американском институте «Эсален» на побережье Тихого океана в Калифорнии. В этом удивительном месте, считавшемся колыбелью

хиппи, проводились работы по исследованию измененных состояний сознания. Там работали Джон Лилли, Станислав Гроф, Майкл Гарнер — выдающиеся исследователи и пионеры изучения психоделиков. Их работы стали классикой жанра. Но вот что удивительно: вне зависимости от факта запрета на исследуемые вещества они пришли каждый своим путем к нефармакологическим способам изменения и расширения сознания. Джон Лилли активно работал с барокамерой, дельфинами, музыкой. Гроф основал известный метод дыхания, носящий его имя и технологию «повторного рождения». Майкл Гарнер активно адаптировал шаманские техники, которые мы позднее трансформировали в психоритмотерапию.

Как выяснилось, все наркотики уже есть внутри нас. Надо лишь уметь их мобилизовать. Природа дала нам возможность испытывать самые разные состояния и эмоции без химической помощи извне.